Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП (б)

АПРЕЛЬ 19 1933 г. СРЕДА. № 108 (5634).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НЕРАЗРЫВНАЯ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ БОРЬБЫ ЗА УРОЖАИ.

Весенний сев в разгаре. **Но промышленность уже должна смотреть вперед и думать о подготовке машин для уборочной кампании.** Пора по-большевистски взяться за это дело. Вооружить уборку доброкачественными машинами—значит ликвидировать те безобразные потери, которые имели место в прошлом и в позапрошлом году в некоторых районах при уборке урожая.

Из года в год наше сельское хозяйство вооружается новыми тысячами машин. Промышленность по-большевистски выполнила задание партии и правительства об обеспечении тракторного парка запасными частями. **Программа выпуска запасных частей в первом квартале выполнена на 120 проц.** В уборочной кампании этого года будут участвовать около 25 тыс. комбайнов, ... тыс. виндроуэров и 26 тыс. тракторных сноповязалок. Это—сложные, огромной производительности машины, которых не было во время уборки в начале первой пятилетки.

За последние годы выросла мощная промышленность сельскохозяйственного машиностроения. Мы создали совершенно новые виды машин, которые обслуживают и двигают вперед коллективизацию сельского хозяйства и рост урожайности совхозных и колхозных полей. По выпуску сельскохозяйственных машин Советский союз опередил капиталистические страны и занял первое место в мире. «У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь» (**Сталин**). Это—результат борьбы партии с правыми оппортунистами за индустриализацию страны, за собственное сельскохозяйственное машиностроение.

Успехи социалистической промышленности и ее важнейшей отрасли—сельхозмашиностроения обязывают нас более решительно ликвидировать отставание, особенно резко проявляющееся **в конструкторской работе и в производстве уборочных машин, в частности для технических культур.** Заводы сельхозмашиностроения не только плохо выполняют плановое задание по уборочным в количественном выражении, но самое главное — не ведут упорной борьбы за качество машины. Ведь это факт, что у нас до сих пор нет совершенных машин для уборки технических культур.

Правда, в этом деле встречаются огромные трудности. Большого опыта производства совершенных уборочных машин для технических культур нет не только у нас, но и в капиталистических странах. Там мировой экономический кризис, из-за которого сельское хозяйство деградирует, огромная резервная армия труда и жестокая эксплоатация сельскохозяйственных рабочих и крестьян помещиками и капиталистами задерживают развитие производства сельскохозяйственных машин вообще и уборочных в частности. Совершенно другое положение у нас. И поэтому мы не можем исходить из того, что и за границей мало опыта в производстве **совершенных** уборочных машин для технических культур. Мы добиваемся огромного роста урожайности технических культур и вместе с этим должны максимально механизировать их уборку, облегчая труд колхозника и рабочего совхоза.

До последнего времени промышленность в совершенно недостаточной степени участвовала в конструировании новых совершенных машин для уборки технических культур. Конструкторская мысль, научно-исследовательские институты еще крайне слабо участвуют в деле создания доброкачественной уборочной машины. Не было и нет еще до сих пор со стороны некоторых звеньев Наркомзема и заводов большевистского отношения к механизации уборки!

Особое внимание надо уделить конструированию и производству машин для уборки хлопка, льна и свеклы. Уборка этих культур должна быть обеспечена уже в этом году хорошими советскими машинами. Наши передовые заводы, их богатейший производственный и технический опыт—какие огромные возможности конструирования и массового производства совершенных уборочных машин! Заводы должны были бы взять шефство над отдельными культурами и своими силами, при помощи научно-исследовательской мысли, расширить это огромной важности производство.

Необходимо отметить в этом деле инициативу **Люберецкого завода** с.-х. машиностроения **им. Ухтомского.** В 1931 году завод по заказу Наркомзема приступил к производству льнотеребилок марки «комсомолка». Завод освоил это производство и в течение двух лет выпустил около 15 тыс. машин. Однако массовое испытание в льносовхозах выявило ряд существенных недостатков этой машины. Инженер **Сиваченко** предложил новую конструкцию льнотеребилки—с шириной захвата в 2,25 м (ширина захвата «комсомолки»—0,5 м), с производительностью размером в 0,7 га в час. Эта машина оказалась значительно лучше и производительней «комсомолки». Завод принял предложение т. Сиваченко, изготовил опытный экземпляр. Испытания дали положительные результаты. Завод пригласил т. Сиваченко к себе и развернул массовое производство новых льнотеребилок. В текущем году Люберецкий завод даст 2.000 таких машин. Завод, конечно, будет изучать свою машину и устранять отдельные ее недостатки. Завод твердо решил заменить тяжелый труд теребления машиной. Почетная работа, которую проводит Люберецкий завод, должна послужить примером для других предприятий.

Зиновьевский завод **«Красная звезда»**, выпустивший в прошлом году первые свеклокомбайны, может, конечно, взять шефство над свеклоуборочными машинами и уже в этом году сконструировать более совершенный тип машины для уборки свеклы. Это же необходимо сделать с важнейшими для сельского хозяйства машинами по уборке хлопка заводу **«Ташсельмаш»** (Ташкент).

Поиски новых путей производства уборочных машин **никоим образом не должны отражаться на производственной программе.** А между тем заводы не выполняют плана. В первом квартале **Союзсельмаш** не выполнил программы.

В результате «сезонного» руководства со стороны Союзсельмаша некоторые заводы, изготовляющие уборочные машины, были как бы брошены на произвол судьбы, забыты. Яркой иллюстрацией может быть Саратовский завод **комбайнов.** Продолжительное время, в январе—феврале, конвейер этого завода бездействовал. Завод не получал ни металла, ни дерева, ни деталей из кооперированных предприятий. Беспомощность в борьбе за промфинплан проявил директор завода т. **Витчинкин.** Но где были руководители Союзсельмаша тт. **Борисов и Карташов,** что делал начальник сектора сельхозмашиностроения Главмашпрома НКТП т. **Васильев?**

К началу уборочной кампании, за первое полугодие, заводы Союзсельмаша должны выполнить ответственный заказ социалистического земледелия. Это ответственное задание партии и правительства заводы должны выполнить полностью и в срок!

Заводы обеспечены металлом, сырьем. Несколько сложнее положение с лесом. Производство уборочных машин требует значительного количества леса, особенно твердой породы. **Наркомлеспром недопустимо халатно относится к заказу сельхозмашиностроения,** оставив многие заводы, изготовляющие уборочные машины, без леса. Это безобразное отношение надо в ближайшие же дни ликвидировать.

Уже теперь надо обязательно взяться за организацию ремонта уборочных машин. В начале первой пятилетки машин для уборки технических культур не было. Они отсутствовали даже в наметках пятилетнего плана. Сейчас сельское хозяйство располагает значительным парком уборочных машин для технических культур: около 15 тыс. льноуборочных машин, около 4 тыс. хлопкоуборочных, 10 тыс. свеклокопателей, 250 свеклокомбайнов, 29 тыс. картофелекопателей и т. д.

Эти машины, несмотря на ряд конструкции недостатков, могут и должны оказать значительную помощь в уборке урожая этого года. Своевременно снабдив их запасными частями, надо отремонтировать этот парк машин и максимально использовать в уборочной кампании.

На заводы с.-х. машиностроения возложена ответственная государственная задача. От выполнения плана выпуска уборочных машин, от подготовки для них запасных частей в большой степени зависит успешный ход уборки урожая. Партия, правительство, вся страна требуют от хозяйственных и общественных организаций заводов, изготовляющих машины для уборки зерновых и технических культур, героической борьбы за план выпуска доброкачественных, совершенных и дешевых машин!

Встретим урожай новыми тысячами комбайнов, тракторных сноповязалок, жаток, сенокосилок! Дадим стране тысячи новых, совершенных льнотеребилок, свеклоуборочных и хлопкоуборочных машин!

Умножим производственные и сырьевые ресурсы Советского союза!

Перерыв грузового транзитного сообщения из Манчжурии в Европу

ХАБАРОВСК, 17 апреля. (Роста). В связи с насильственными действиями полиции и японских властей на станции Манчжурия К.-В. ж. д., приостановивших нормальное грузовое и пассажирское движение между К.-В. ж. д. и Забайкальской жел. дорогой и тем самым срывающих грузовое движение, идущее на Европу и из Европы через СССР и К.-В. ж. д., управление К.-В. ж. д. получило официальный запрос из Кенигсберга от администрации германских жел. дорог.

Грузовое транзитное движение по К.-В. ж. д. и советским дорогам происходит в силу конвенции, заключенной между железными дорогами Германии, Литвы, Латвии, Эстонии, Китая, Японии и СССР. В случае перерыва движения дорога, на которой произошли события, препятствующие нормальному движению, немедленно должна известить всех участников конвенции о происшедших событиях и о невозможности выполнять конвенцию.

Управляющий К.-В. ж. д. тов. Рудый, в связи с запросом германских железных дорог и перерывом движения в результате насильственных действий полиции и чиновников Маньчжоу-Го и Японии, обратился в правление К.-В. ж. д. за инструкциями о тех шагах, которые К.-В. ж. д. должна предпринять, как участница международной железнодорожной конвенции.

Почему фашисты убили своего агента Белла

ВЕНА, 18 апреля. (ТАСС). Австрийские газеты публикуют сообщение о подробностях убийства Белла на основе данных полицейского расследования.

Белл, который был интимным другом Рема, начальника национал-социалистских штурмовых отрядов, находился на службе национал-социалистской контрразведки. У Белла найдены документы и письма, подтверждающие его тесную связь с Ремом, а также с уполномоченным Гитлера в Австрии—графом Дюмулен-Эккартом.

Когда на мюнхенском процессе Белл был вынужден дать ряд компрометирующих Рема показаний, Рем и ряд других руководящих деятелей национал-социалистской партии решили устранить Белла, хорошо знакомого с закулисной деятельностью гитлеровского штаба. Один из убийц Белла при переезде австрийской границы пред'явил документ политического агента мюнхенской полиции. На вопрос австрийской пограничной стражи, кем являются лица, переехавшие границу и впоследствии убившие Белла, из Мюнхена был получен ответ: «Это были штурмовики личного штаба Адольфа Гитлера в Мюнхене». Не успевший скрыться национал-социалист Конрад, а также личный друг Белла, свидетель убийства, отказываются сообщить фамилии убийц из страха быть убитыми.

По сообщению газет, австрийское правительство потребует от Германии выдачи убийц Белла.

ПЛАН ПРИСОЕДИНЕНИЯ АВСТРИИ К ГЕРМАНИИ ОТВЕРГНУТ В РИМЕ.

ВЕНА, 18 апреля. (ТАСС). Вернувшийся вчера из Рима союзный канцлер Дольфус выразил удовлетворение по поводу результатов своих переговоров в Риме.

«Я вынес впечатление,—заявил Дольфус,—что договор 1930 г. об австро-итальянской дружбе не является для Муссолини простой формальностью. Австрия действительно встречает со стороны Италии понимание и имеет в ней друга, на которого можно положиться». В телеграмме, посланной Муссолини, Дольфус выражает убеждение в том, что Австрия может, как и в прошлом, рассчитывать и в будущем на поддержку Италии.

Утренние газеты в полуофициальных комментариях подчеркивают, что Муссолини полностью одобрил курс правительства Дольфуса, заверив последнего, что Италия не сочувствует каким бы то ни было попыткам воздействовать со стороны на политическое положение Австрии. По сообщению газет, Дольфус в беседе с фон-Папеном, опираясь на поддержку Муссолини, отклонил требования Германии в области австрийской внутренней политики.

Газеты выражают мнение, что поездка Дольфуса в Рим приведет к укреплению взятого австрийским правительством курса на отказ от аншлюса и на сохранение политически независимой Австрии. Одновременно газеты пишут об охлаждении отношений между Германией и Италией и об отклонении Муссолини внешнеполитических претензий, выдвигавшихся Герингом и фон-Папеном.

Отмена запрещения «Правды», «Известий» и «Комсомольской правды».

БЕРЛИН, 18 апреля. (ТАСС). В результате решительных протестов полпредства СССР в Германии запрещение в Германии «Правды», «Известий» и «Комсомольской правды» отменено, начиная с 11 апреля.

ОБЛАВЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СУДЫ В ГЕРМАНИИ.

(По телефону от нашего берлинского корреспондента).

БЕРЛИН, 18 апреля. Сегодня утром полиция совместно со вспомогательной полицией произвела массовую облаву в рабочих колониях, расположенных в предместье Берлина **Шпандау.**

В ряде домов найдено, как сообщает **«Нахтаусгабе»**, большое количество коммунистических листовок, револьверов и холодного оружия. Произведено 2 ареста.

Сегодня же утром проведена большая облава также в **Гамбурге.**

«В связи с планомерным наступлением гамбургского правительства на коммунистов, — сообщает газета «Темпо»,—гамбургская полиция предприняла сегодня утром новый решительный удар и провела несколько облав, начав с квартала Санкт-Паули. Особенно тщательному обыску подверглись зона на Зильберзакштрассе, Давидштрассе, Гопфенштрассе, Гербертштрассе и Бернгардноахтштрассе. Не были забыты ни одно строение, ни один погреб, ни один чердак. После быстрого окружения различных улиц отряд особого назначения приступил к работе по очистке. При этом были приняты особые меры для того, чтобы коммунистам не удалось спастись бегством через крыши или через задние дворы. Все жители квартала, направлявшиеся на работу, подвергались тщательному обыску».

Черний.

ФОН-НЕЙРАТ О ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

БЕРЛИН, 18 апреля. (ТАСС). Министр иностранных дел фон-Нейрат по просьбе газеты **«Кенигсбергер альгемейне цейтунг»** передал ей обращение к «народу Восточной Пруссии». Указывая в своем обращении, что над Восточной Пруссией «все еще висят тяжелые облака», фон-Нейрат заверяет, что правительство готово защищать германский Восток на основе «германизма».

По словам фон-Нейрата, поддержание германского хозяйства и укрепление германского пограничного барьера путем планомерного переселения являются, наравне с программой защиты страны, одной из важнейших задач германского правительства.

Эррио выехал в САСШ.

ПАРИЖ, 17 апреля. (ТАСС). По сообщению агентства Гавас из Гавра, Эррио выехал на пароходе «Иль де Франс» в Вашингтон.

ПРОЦЕСС ВРЕДИТЕЛЕЙ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ.

ПРИГОВОР.

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Специальное Присутствие Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председателя — **Ульрих В. В.**

Членов — **Мартенса Л. К. и Дмитриева Г. А.**

Запасного Члена — **Зеленова А. В.**

при секретаре — **Костюшко А. Ф.**

с участием государственных обвинителей Прокурора РСФСР — **Вышинского А. Я.** и его Заместителя **Рогинского Г. К.**; защиты: Членов Московской Коллегии Защитников — **Брауде, Смирнова, Комодова, Льва, Долматовского, Шварца, Пинеса, Казначеева и Либсона** в открытых судебных заседаниях 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 апреля 1933 года рассмотрело дело по обвинению:

1. **Гусева** Василия Алексеевича, 35 лет, уроженца гор. Пензы, холостого, с высшим техническим образованием, государственного служащего, несудившегося, бывш. начальника Златоустовской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

2. **Грегори** Альберта Вильяма, 52 лет, уроженца Англии, женатого, с высшим техническим образованием, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

3. **Зиверта** Юлия Ивановича, 50 лет, государственного служащего, уроженца бывш. Курляндской губ., слесаря с низшим образованием, несудившегося, бывш. мастера по монтажу трансформаторов и масляных выключателей на Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

4. **Зорина** Николая Григорьевича, 59 лет, уроженца гор. Москвы, с высшим образованием, по специальности инженер-механик, женатого, несудившегося, государственного служащего, бывш. старшего инженера Тепловой группы Мосэнерго, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

5. **Крашенинникова** Михаила Дмитриевича, 35 лет, уроженца села Новое, бывш. Владимирской губ., с высшим образованием, государственного служащего, по специальности инженера-электрика, женатого, несудившегося, бывш. начальника ремонтного монтажного отдела 1-й Московской городской Электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

6. **Котляревского** Моисея Львовича, 29 лет, уроженца Бобринец, Зиновьевского округа, с высшим образованием, государственного служащего, по специальности инженера-механика, несудившегося, женатого, бывш. заведующего турбинным цехом Зуевской государственной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

7. **Кутузовой** Анны Сергеевны, 37 лет, уроженки гор. Ленинграда, со средним образованием, несудившейся, быв. секретаря уполномоченного иностранной фирмы «Метрополитен-Виккерс» в СССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

8. **Кушни** Джона, 35 лет, уроженца гор. Иоганнесбурга в Африке, акционера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», английского подданного, с высшим образованием, бывш. офицера британской армии, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

9. **Лебедева** Вячеслава Петровича, 52 лет, государственного служащего, уроженца гор. Иваново-Вознесенска, со средним образованием, бывш. старшего унтер-офицера царской армии, женатого, бывш. мастера Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

10. **Лобанова** Александра Тимофеевича, 35 лет, государственного служащего, уроженца Владимирской губ., слободы Старопашенная, сына заводчика, с высшим техническим образованием, женатого, несудившегося, бывш. начальника эксплоатационного отдела Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—7, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР;

11. **Макдональда** Вильяма Лионель, 29 лет, уроженца гор. Лондона, сына инженера, с высшим техническим образованием, английского подданного, холостого, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

12. **Монкгауза** Аллана, 46 лет, уроженца гор. Стетфорд в Новой Зеландии, сына фермера, бывш. капитана инженерных войск британской армии, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, работавшего в СССР в качестве уполномоченного английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

13. **Нордволла** Чарльза, 31 года, уроженца гор. Берлина, сына инженера, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

14. **Олейника,** Петра Ефимовича, 52 лет, уроженца хутора Перекрестовщина, бывш. Полтавской губ., со средним образованием, женатого, несудившегося, старшего монтера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

15. **Соколова** Василия Андреевича, 33 лет, государственного служащего, уроженца села Аскино, Бирского района БАССР, сына кустаря, со средним техническим образованием, по специальности техник-электромеханик, женатого, несудившегося, бывш. помощника начальника электростанции Златоустовского завода, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—6, 58—7, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР;

16. **Сухоручкина** Леонида Александровича, 39 лет, государственного служащего, уроженца станицы Ново-Павловской, Северокавказского края, сына торговца, с высшим образованием, по специальности инженера-электрика, женатого, несудившегося, бывш. начальника эксплоатационного отдела 1-й московской городской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—7, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР;

17. **Торитона,** Лесли Чарльза, 45 лет, уроженца гор. Ленинграда, сына фабриканта, английского подданного, женатого, с высшим образованием, несудившегося, старшего монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—6, 58—7, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Данными предварительного и судебного следствия Специальное Присутствие Верховного суда Союза ССР установило следующее:

В течение ряда лет на крупных электростанциях Союза ССР—на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго, Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и других, имели место систематические аварии отдельных котлов, моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживавшего перечисленные станции.

На основе прошедшего перед судом материала судебного следствия суд устанавливает, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работающей в СССР по договору с Народным Комиссариатом Тяжелой Промышленности об оказании технической помощи.

I. ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

1. Начальник электростанции, государственный служащий **Гусев** В. А., бывший доброволец колчаковской армии, поставил себе целью нанесение урона государственной промышленности и обороноспособности СССР, совместно с государственным служащим, своим помощником **Соколовым** В. А. и рядом других лиц, дела о которых выделены в особое производство:

а) систематически выводил из строя в течение 1931 и 1932 гг. мотор в 1.400 лош. сил, приводивший в действие крупносортный стан прокатного цеха Златоустовского металлургического завода, в частности путем введения куска железа в междужелезное пространство, с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок. В результате одной из таких аварий снарядные цеха не работали полтора месяца.

б) В конце 1931 года заморозил котел № 8 для ослабления котельного хозяйства электростанции.

в) В конце того же 1931 года вывел из строя углеподачу № 1 путем закладывания металлических предметов между зубьями зубчатой передачи, в результате чего была разбита эта передача и фундамент. После этого вся углеподача, по распоряжению Гусева, была разобрана и так и лежала выведенной из строя на полтора года, до момента ареста Гусева.

г) Умышленно, с вредительской целью, задержал на длительные сроки монтаж котлов №№ 1, 2, 11.

В результате этих преступных действий Гусева мощность электростанции была снижена наполовину, с 12.000 до 6.000 киловатт.

2. Гусев и Соколов в то же время подготовляли ряд аварий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить электрической энергии Златоустовские заводы в момент ожидавшегося вредителями военного нападения на СССР.

3. Эта преступная деятельность Гусева и Соколова совершалась по договоренности со служащим английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», монтажным инженером Макдональдом В. Л., принимавшим участие в разработке плана аварий.

4. Сверх того, по поручению того же Макдональда, Гусев и Соколов непосредственно и через третьих лиц собирали для Макдональда и передавали ему во вред СССР секретные сведения военно-государственного значения, касавшиеся:

а) работы военных цехов Златоустовских заводов;

б) производства снарядов и их типов;

в) производства высококачественных сталей для военных нужд и

г) мобилизационных планов электростанции и Златоустовских заводов.

5. За указанные преступные действия Гусев и Соколов получили от Макдональда взятки—Гусев единовременно всего 2.500 рублей и Соколов—1.000 р.

6. Преступные действия Макдональда были им совершены с ведома и по заданию английского подданного, главного монтажного инженера Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Торитона Л. Ч., с которым, так же, как и с Макдональдом, Гусев лично обсуждал планы аварий при создании в Златоусте в 1931 году и на станции Харцызск в 1932 году. При этих свиданиях Гусев передал Торитону ряд секретных сведений военно-государственного значения.

Преступные действия **Гусева, Соколова и Макдональда** предусмотрены ст. 58—6, 58—7, 58—9 и 58—11 Уг. К. РСФСР. Преступные действия Торитона квалифицированы ниже.

II. ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЗУЕВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

Основным вредителем на Зуевской электростанции был заведующий турбинным цехом станции, государственный служащий Котляревский, М. Л., который в целях нанесения урона промышленной мощи СССР произвел аварию турбогенератора № 3, путем введения болта в генератор в июне 1932 года и, совместно с умершим впоследствии Васильевым, организовал аварии с масляными насосами турбины №№ 1 и 3 путем умышленного засорения этих насосов.

Эти вредительские акты были совершены Котляревским в соучастии с тем же Макдональдом, от которого Котляревский получил за эти преступные действия взятку в 1.000 рублей.

Преступные действия **Котляревского** предусмотрены ст. 58—7, 58—9 и 58—11 УК РСФСР.

III. ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ИВАНОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

На Ивгрэсе вредительство осуществляли: Заведующий эксплоатационным отделом Лобанов А. Т. в соучастии с мастером той же электростанции Лебедевым В. П., служащим фирмы «Метрополитен-Виккерс», английским подданным Нордволлом Ч. и другими лицами, дело о коих выделено.

1. **Лобанов** организовал следующие аварии:

а) систематически выводил из строя моторы ценных решеток путем перелома кабеля, питающего эти моторы;

б) умышленно засорял песком подшипники мотора питательного насоса котлов, вследствие чего мотор выбыл из строя;

в) умышленно вывел из строя мотор дымососа котла № 5 путем закрытия вентиляции мотора;

г) в целях нарушения бесперебойной работы электростанции неоднократно умышленно выключал фидера собственных нужд станции.

В результате этих вредительских актов имели место перебои в работе станции и сокращение электроснабжения заводов и фабрик, питаемых Ивгрэсом.

2. Непосредственным выполнителем аварий, отмеченных в п. п. а) и б) п. 1, являлся Лебедев, действовавший по заданию Лобанова.

3. За эти вредительские действия Лобанов получил от Нордволла взятку в 5.000 рублей, из коих около 300 р. передал Лебедеву.

Преступные действия **Лобанова, Лебедева и Нордволла** предусмотрены ст. 58-7, 58-9, 58-11 УК РСФСР.

4. На той же Ивгрэс, вне связи с указанными лицами по прямому предложению Торитона, мастер станции, государственный служащий Зиверт, тормозил в 1931 году монтаж трансформатора, за что получил от Торитона взятку в два приема—всего 800 рублей.

Преступные действия Зиверта предусмотрены ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР.

IV. ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ МОСЭНЕРГО.

На электростанциях Мосэнерго вредительство осуществлялось следующими лицами:

Начальником эксплоатационного отдела 1-й Московской Городской Электростанции, государственным служащим **Сухоручкиным** Л. А.

Ст. инженером тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго, государственным служащим **Зориным** М. Г.

Начальником ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской Городской Электростанции, государственным служащим **Крашенинниковым** М. Д.

1. **Сухоручкин:**

а) на протяжении 1928—1932 гг. систематически скрывал по договоренности с Торитоном серьезные дефекты поставляемого фирмою «Метрополитен-Виккерс» оборудования, а также скрывал дефекты при монтаже этого оборудования, что привело к ряду аварий, уменьшало работоспособность станции и приводило к невозможности взыскания с фирмы «Метрополитен-Виккерс» в порядке рекламации соответствующих денежных сумм;

б) в конце 1931 г. лично с целью вызвать аварию на 1-й МГЭС соединил свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 с железной полкой. Авария была предотвращена лишь благодаря бдительности рабочих;

в) в 1930 и 1931 гг., неоднократно встречаясь с Торитоном, договаривался с ним о способах разрушения электростанции в момент начала войны против СССР.

2. **Зорин** по договоренности с тем же Торитоном в 1931—1932 гг. с целью нанесения ущерба промышленности СССР провел на 1-й МГЭС и на Ореховской тепло-электроцентрали ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставленного фирмою «Метрополитен-Виккерс» оборудования, что привело к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплоатации его и приводило к потере рекламационных сумм.

3. **Крашенинников** на протяжении 1928—1932 гг. провел на 1-й МГЭС ряд вредительских актов, скрывая дефекты поставленного фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования и его монтажа, что приводило к систематическим авариям на станции и к потере рекламационных сумм.

За указанные преступные действия Сухоручкин, Зорин и Крашенинников получили от Торитона взятки в сумме: Сухоручкин—2.000 руб. и 350 руб. торгсиновскими бонами, Зорин—1.000 руб. и Крашенинников—500 руб.

Преступные действия **Сухоручкина, Зорина и Крашенинникова** предусмотрены ст.ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР, а Сухоручкина, кроме этого, — ст. 58-9 УК РСФСР.

V.

Вредительская контрреволюционная деятельность указанных выше государственных служащих электростанций была увязана, как явствует из приведенных выше фактов, с преступной деятельностью отдельных служащих частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс».

Суд установил следующее:

1. Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль до совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торитону Л. Ч. —главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные, упоминавшиеся выше,—Макдональд и Нордволл, а равно и инженер Кушни и гражданин СССР монтер фирмы Олейник П. Е.

Через этих лиц, как равно и непосредственно, Торитон:

а) вступал в связь с контрреволюционными группами государственных советских служащих на электростанциях, договаривался с ними (Гусев, Сухоручкин, Зорин) о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершаемые ими преступные действия.

б) Занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни и Олейника секретные сведения военно-государственного значения и давал за получаемые сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим (Гусев, Соколов и др.).

Преступные действия **Торитона** предусмотрены ст.ст 58-6, 58-7, 58-9, 58-11 У. К. РСФСР.

2. Уполномоченный Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» **Монкгауз:**

а) был осведомлен о действиях Торитона по организации совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций аварий на этих электростанциях,

б) принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставленного фирмой «Метрополитен-Виккерс», а также за сокрытие дефектов монтажа этого оборудования, что приводило к авариям.

Преступные действия Монкгауза предусмотрены ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

3. Исполнителем вредительских заданий Торитона на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Кушни, организовавший в 1928 г. на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торитону.

Преступные действия Кушни предусмотрены ст.ст. 58-6, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

4. Исполнителем преступных заданий Торитона на ряде электростанций (1 МГЭС, Макеевка, Мотовилиха) был служащий Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс», гражданин СССР **Олейник**,

а) систематически скрывавший дефекты оборудования, поставленного фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий, и

б) собиравший военно-секретные сведения и вербовавший агентуру для Торитона.

Преступные действия **Олейника** предусмотрены ст.ст. 58-6, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

5. **Кутузова** А. С., состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе вышеупомянутых служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Преступления **Кутузовой** предусмотрены ст.ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР.

VI.

На основании изложенного, исходя из установленных судом обстоятельств дела, степени вины каждого из поименованных выше лиц и на основании постановления ЦИК Союза ССР от 14 марта с. г., в силу которого советские государственные служащие, изобличенные во вредительстве, как изменники своего отечества, подлежат более суровой ответственности, чем служащие частных предприятий—

суд приговорил:

I. 1. **Гусева** Василия Алексеевича,

2. **Сухоручкина** Леонида Александровича,

3. **Лобанова** Александра Тимофеевича,

государственных служащих — граждан СССР — к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества. Избрание этой меры репрессии вместо расстрела суд обосновывает исключительно тем, что преступная вредительская деятельность указанных осужденных имела локальный характер и не нанесла серьезного ущерба промышленной мощи СССР.

II. 4. **Соколова** Василия Андреевича,

5. **Зорина** Николая Григорьевича,

6. **Котляревского** Моисея Львовича,

государственных служащих — граждан СССР — по тем же основаниям — к восьми годам лишения свободы, с указанными выше последствиями.

III. 7. **Крашенинникова** Михаила Дмитриевича,

государственного служащего — гражданина СССР — по тем же основаниям — к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества.

IV. 8. **Лебедева** Вячеслава Петровича, государственного служащего—гражданина СССР, принимая во внимание, что он являлся лишь орудием в руках Лобанова и руководствуясь ст. 51 УК РСФСР, к двум годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

V. Служащих московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс»:

9. Английского подданного **Торитона,** Лесли Чарльза—к трем годам лишения свободы.

10. В отношении английского подданного **Макдональда** Вильяма Лионель, как действовавшего по прямому подстрекательству его непосредственного начальника Торитона, с одной стороны, и в виду чистосердечного признания на суде своих преступных действий, руководствуясь ст. 51 УК РСФСР, смягчить требуемую законом меру репрессий и ограничиться осуждением к двум годам лишения свободы.

В отношении английских подданных: 11. **Монкгауза** Аллана; 12. **Нордволла** Чарльза, как не принимавших непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях, и 13. **Кушни** Джона, в виду давности совершенного им преступления (1928 год),—руководствуясь ст. 51 Уг. Код. РСФСР, ограничиться удалением их из пределов СССР с запрещением в'езда в СССР сроком на 5 лет.

Осужденные Монкгауз, Нордволл и Кушни обязаны оставить пределы СССР в течение трех суток с момента вынесения приговора.

14. **Олейника** Петра Ефимовича, гражданина СССР, принимая во внимание его зависимость по службе от Торитона и как служащего частной фирмы—к трем годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

15. **Кутузову** Анну Сергеевну, гражданку СССР, по тем же основаниям—к полутора годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Всем осужденным к лишению свободы зачесть срок предварительного заключения.

VI. 16. В отношении **Зиверта** Юлия Ивановича, государственного служащего—гражданина СССР, принимая во внимание, что своей работой после 1931 года он доказал, что искренно порвал с вредителями, на основании ст. 8 УК РСФСР мер репрессии не применять и из-под стражи освободить.

17. **Грегори** Альберта Вильяма, английского подданного, по недостаточности улик оправдать.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и входит в силу немедленно с момента его оглашения.

Председатель Специального Присутствия Верховного суда Союза ССР В. УЛЬРИХ.

Члены присутствия:

Л. МАРТЕНС,

ДМИТРИЕВ.

Гор. Москва, 19 апреля 1933 г. 1 ч.

* * *

После прочтения приговора председатель тов. Ульрих отдал распоряжение коменданту суда взять подсудимого Торитона под стражу, а обвиняемого Зиверта освободить из-под стражи, и секретарю суда — взять подписку от подсудимых Нордволла, Монкгауза и Кушни о выезде из СССР в 3-дневный срок с момента прочтения приговора.

ПРОЦЕСС ВРЕДИТЕЛЕЙ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ.

Речь государственного обвинителя прокурора республики тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО.

I. Политическое значение процесса.

Может быть какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного Суда по настоящему делу. Нас отделяет немного времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того предварительного расследования, и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным Судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения специального присутствия Верховного Суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классовой ненавистью, охваченные своим чувством классовой вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела, такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возвещенное хладнокровие, переступают границы допустимого и, конечно, получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор. Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоевавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоевавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой коммунистической партии новое, социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад тов. Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Тов. Сталин на XVI партийном с'езде в политотчете ЦК говорил, что:

«Говорят далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнанных Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п.».

«Но это становится,—говорил т. Сталин,—совсем забавным,—им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам тоже не нравится капиталистический строй, не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет многомиллиардными богатствами. Но, раз мы согласились,—говорит т. Сталин в этом своем историческом политотчете,—не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу?—Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неот'емлемое право рабочих и крестьян Союза Советских Социалистических Республик, закрепленное нашей Конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно, следовательно, кто не хочет считаться с нашей Конституцией, может проходить дальше—на все четыре стороны».

Этим господам, видите ли, не нравится наша конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и Конституцией и советскими порядками, и советским судом клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями,—словом, обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд—это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это классовый суд, т.-е. суд, который стоит на страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплоататоров, против врагов трудящихся, то в этой стране нет правосудия.

М-р Патрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской Палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно, в советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, повешенное позади судейского стола, за которым судьи сидели и курили». М-р Хенон с места: «Судьи курили?» М-р Патрик: «Да». «На этом полотнище,—продолжал м-р Патрик,—большими белыми буквами было написано: «Суд—орган пролетариата».

«Это одно, говорит он, из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях».

«Эти слова означают как раз то, что они говорят,—суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины... Суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели».

«Но, — продолжал Патрик, — сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь,—говорит далее Патрик,—что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Патрик хотел сказать, что раз классовой борьбы нет, то, следовательно, суду ничего не остается делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде, и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего класса, и никогда не отрывали от этих задач и задач нашей судебной действительности нашей судебной работы.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту, действительно величайшую, особенность нашего советского правосудия: «На место старого суда,—говорит он про нашу Октябрьскую революцию,—она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплоатируемых классов, и только этих классов, в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплоататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком, обманом заполучить ту или иную частицу этих привилегий».

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющей величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов эксплоатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был,—говорит Ленин,—в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплоатации».

И когда нам говорят о том, что вот наш Советский суд—классовый суд, и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплоататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплоататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

Кое-какие господа из английской Палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудие, а в советском суде правосудия искать нельзя.

Вот, например, майор Хильс (Hills), выступая не так давно в Палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (т.-е. в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, а также капиталистических, как Америка, несравнимо с правосудием в России». Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет».

Майор Хильс—храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас, к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору неплохо ответили его же сотрапезники, другие члены парламента.

Вот, например, Криппс, в том же заседании в Палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд адвокат, если бы он был здесь, я уверен, поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела пенджабского полка. Прошел целый месяц после ареста и освобождения под залог... прежде чем обвинение было полностью сформулировано».

Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керауд, заявивший, что в 1913 году член парламента от Дамбартона был арестован в 1 ч. 30 мин. ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев.

Это не я говорю. Это говорит Керауд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане,—не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неизвращенными глазами эту действительность, каждый день надвигающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии, и, в частности, и об этом должен сказать именно на этом процессе,—со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Ренсимен сказал по поводу нашего процесса, т.-е. именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов вроде этого по обвинению в саботаже случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился бы осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того, чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на-ходу опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается одного из крупнейших процессов и, кстати сказать, одного из крупнейших вредительских процессов—к Шахтинскому процессу, по которому были оправданы: Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер —

4 из обвиняемых по крупнейшему вредительскому процессу, по процессу о контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать тот вывод, которым он поделился в Палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метро-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и в частности такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплоататорских классов, пытающихся скрыть и замазать истинную эксплоататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности—своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено, и в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы Английского государства. У Маркса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности». И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны?

Маркс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... тот получает на предварительный просмотр только обвинительный акт и первоначально данные мировому судье показания и, следовательно, не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас по окончании обвинения отвечать, говорить может только один раз. Если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля—он погиб».

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям основоположником научного социализма и одним из величайших наших учителей—Карлом Марксом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью лидер» характеризует Мирутский процесс «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах истории». И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами—индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция, 4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «3-я степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физического и морального воздействия,—все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране—к Советской стране, по отношению к единственному в мире подлинному правосудию—правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое, социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу, и общим вопросам наших судебно-процессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось в частности о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом»... Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знают участия защиты, но это потому, что самый наш закон, и я должен об этом напомнить сегодня, и в частности 111 и 112 ст.ст. Уг. Процесс. Кодекса на самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела, — обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие так называемые цивилизованные страны, то очень не трудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на Кодекс 1924 года. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147 StPO защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и в частности при помощи той 206 ст. УПК, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в Палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно, — они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который, конечно, должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые—я назову Торнтона, я назову Монкгауза—по крайней мере пытались осуществить здесь, перед вашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря, ту линию, которая была им заказана и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги». Басня Торнтона о «моральном давлении», с которым «я так постыдно [illegible]», басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, я не знаю, кто был инициатором ее, но версия здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был поплатиться необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать,—это документ, носящий № 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза. «Советский посол, — телеграфирует Ванситтарт сэру Овию,—был у меня по моему требованию». Так сказано в документе № 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, — читаем мы дальше, — что из того, что произошло вчера в Палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой была инсценировка, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких индустриальных мероприятий в России».

«Советское правительство,—говорится в этом документе,—может говорить, что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии эта телеграмма под номером 27, а вчера, 15 апреля, в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае,—это следующее,—«я сам не знаю чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответственным образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея пред'явленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«Я,—говорит оратор,—справлялся у посла относительно допрашивающих—со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное конечно сообщение, которое могло, разумеется, внушить очень печальные настроения даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывно 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз один против трех смен следователей — все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза.

19 часов. Вероятно, первый совравший, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования в связи с этим процессом, — требования, с негодованием нами отвергнутые.

И когда здесь вчера Монкгауз заявил: «я признаю свою ошибку, я извиняюсь», то мне казалось, что он извиняется не перед вами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул.

А как обстояло дело на самом деле?—Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в Палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3-х часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 часов 30 мин. В 7 часов 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток—36 часов. 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось что?—Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в Палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены в связи с этим заявлением, является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно пред'явил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков.

Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас и не только остатками той буржуазии, какая ниспровергнута в Октябре и всеми 15-ю годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазией, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской революцией капиталистических эксплоататорских классов в нашей стране, находящих всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

II. Особенности новых форм вредительства.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги, как я уже сказал, встречают обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу 5-ю днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов. При всем отличии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет, особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением, несмотря на то, что у них нет никакой надежды на какой-нибудь успех в своей вредительской работе. Важно отметить именно то обстоятельство, что хотя вредительство, бывшее, по словам тов. Сталина, несколько лет тому назад своего рода модой, перестало уже быть этой модой, тем не менее эти вредительские акты продолжаются, тем не менее они организуются и, что очень важно сейчас отметить, организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения, область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства.

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако одновременно нужно будет сказать, что несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплоататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, не ослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду,—говорил т. Сталин,—то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая все силы старого мира, не может не вызвать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага,—таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Но нужно иметь в виду,—продолжал тов. Сталин,—и то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение не есть простое географическое понятие. Капиталистическое окружение—это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и при случае путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР встал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР...»

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже вырвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, будь то Гусев или Лобанов, Сухоручкин или Зорин, будь то Торнтон или Монкгауз, будь то Олейник—один из наиболее непривлекательных типов из числа подсудимых, или Кутузова, характеристику которой мы дадим несколько позже,—все это убедительно говорит действительно о тех классовых отношениях, своеобразии нынешних форм этой классовой борьбы, проявляющейся, в частности, и в актах вредительства.

Было бы однако в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электровредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс,—что и сейчас мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой — одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли и в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалистического строительства, произошел перелом и в настроении, и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931—32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись в нашей Советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удивительного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда тов. Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса, примерно, к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, т. Сталин оказался прав. «Вредители есть,—писал т. Сталин,—и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону советской власти,—активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье». А те, которых мы из подполья сейчас вытащили за ушко да на солнышко, производят впечатление, в своей подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей 2-го сорта».

Правда, среди них есть еще доцент Зорин, правда, среди них еще есть достаточно крупные инженеры, например, Сухоручкин, но среди них преобладают Олейники, Гусевы, Лобановы, люди, которые вредят потому, что это лежит не столько в их убеждении, сколько лежит в их социальной природе.

Мы должны констатировать своего рода измельчание, которое как раз говорит о том, что вредительство доживает в нашей стране, очевидно, свои последние дни. Конечно, оно и впредь еще будет вспыхивать то здесь, то там, поскольку будут оставаться классы, поскольку будут оставаться еще не исчерпанные и не устраненные классовые противоречия, поскольку будет еще существовать капиталистическое окружение, неизбежно влияющее на возникновение контрреволюционных, вредительских рецидивов в СССР. Именно поэтому мы должны будем и впредь неизменно сохранять нашу классовую бдительность, ни в какой мере не ослабляя нашей решительности в борьбе с этими явлениями, ни в какой мере не ослабляя и нашу беспощадность в истреблении этих позорных контрреволюционных явлений.

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамье подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом, направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования, 2) военный шпионаж, 3) подкуп. Тягчайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против Советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, хотя во всех вредительских контрреволюционных группах всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напомню здесь об'яснения некоторых подсудимых, которые на мой вопрос—«чем же вы руководствовались» и даже на вопрос своих собственных защитников—«руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями»—мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос—до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс, гигантски растущий в своих творческих силах, в своем творческом строительстве, растет во всех областях этого своего строительства—растет культурно, растет экономически, растет политически, в то же самое время, как эти последние остатки, эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу?—Мы судим электриков-вредителей, организовавшихся в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемуся за свои все новые и новые успехи. Конечно, мы заранее были уверены—и действительность это красноречиво подтверждает,—что все и всякие подобного рода попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние. И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 тыс. квт.—Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Мосэс, Зуграс, Днепрогэс, Нигрэс, Челябгрэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам т. Ленина, «коммунизм есть советская власть плюс электрификация».

Мы имели в 1928 году только 18 районных станций с мощностью 610 тыс. квт., а в 1932 году мы имеем 44 станции с мощностью в 2½ млн. квт. Мы имеем теперь мощность всех станций в 4 млн. 600 тыс. квт. против 1 млн. 875 тыс. квт. в начале первой пятилетки.

Мы имели в 1928 году количество электроэнергии, измеряемой в 5 млрд. квт. часов, а в 1932 году—мы имеем 13½ млрд. квт. часов в год.

Ну-ка, вредители, — что вы на это скажете? Пропали ваши усилия и не могли не пропасть, потому что против вас стоит непобедимой стеной пролетариат, против вас стоит непобедимой стеной честная советская интеллигенция, вместе с рабочим классом строящая социалистическое общество, против вас стоит во всеоружии пролетарская диктатура, а вы — лишь жалкая группа отщепенцев технической интеллигенции, группа, отмеченная клеймом позора.

Я уже указывал на то, что мы, благодаря величайшим усилиям, величайшим жертвам, величайшему самопожертвованию, настойчивости, труду, имеем 10 станций мощностью свыше 100.000 квт. Среди них имеются те самые станции, с которыми нам сейчас, к сожалению, приходится иметь дело, когда мы говорим о вредительских группах, о контрреволюционных гнездах, пытавшихся растлить молодой организм этого еще строящегося участка нашего социалистического хозяйства.

В настоящее время, как я уже сказал, изменились, в значительной степени по сравнению с тем, что мы имели в прошлые годы, и методы вредительства. В данном деле со всей отчетливостью сказались основные четыре способа вредительства: во-первых, заведомое, умышленное сокрытие государственными служащими, поставленными на ответственные посты, тех дефектов, устранение которых являлось их первой и прямой обязанностью.

Второе — затягивание работ всякими искусственными способами: ненужным ремонтом, плохим монтажем и т. д., удлинением пусковых периодов, отсрочиванием испытательных сроков, наибольшим удлинением этих сроков.

Третье—прямая порча агрегатов, как это мы видели, например, в случае, о котором здесь так эпически спокойно повествовал Гусев, когда рассказывал о порче им моторов в 1.400 лош. сил, или Котляревский, когда говорил о том, как он сунул болт в междужелезное пространство между ротором и статором и вывел таким приемом турбогенератор из строя.

Четвертое—более утонченные, более искусные, более хитрые и более скрытые, замаскированные методы вредительства, удара по нашему хозяйству, когда сознательно подбираются соответствующие вредительским целям кадры, когда сознательно ставятся на более ответственные участки работы менее подготовленные для этой работы люди, когда более ответственная и важная работа заведомо и сознательно для организующих это вредительское дело поручается тем, кто менее подготовлен или вовсе неподготовлен к этой работе, с прямым расчетом, что непроверенный кочегар заснет, что неопытный механик не поймет в чем дело, не сумеет во-время открыть клапан, который нужно, или, наоборот, закроет клапан, который не нужно, и т. д. и т. п. Вот нынешние методы и способы вредительства, которые обладают всеми необходимыми для успеха этого вредительства качествами, когда вредитель может действовать с очень малым риском, когда, действуя таким образом, он может рассчитывать на очень большую безнаказанность, когда он, наконец, может рассчитывать на длительность самого срока своей вредительской работы. Эти вредительские действия тем и опасны, что они, будучи очень часто сами по себе мелкими, в то же время производимые систематически изо дня в день, на каждом шагу, затрагивая каждый агрегат или множество отдельных агрегатов, именно этой своей обыденностью и повседневностью способны у некоторых притуплять чуткое и настороженное отношение к этим явлениям.

Здесь характерна именно форма этих вредительских актов, очень удобная для того, чтобы прикрыть это вредительство всякого рода «об'ективными причинами», «неполадками», тем, что как будто вовсе не зависит от злой человеческой воли.

Это в высшей степени характерно сказывается на анализе целого ряда аварий, с которыми мы встречаемся в настоящем деле и которые будут дальше служить предметом много более подробного анализа.

Мы знаем, что в настоящее время классовый враг, разгромленный, разбитый, не сможет, не сумеет, как бы он этого ни хотел, пойти прямой атакой против советской власти, против социалистического строительства, на каком бы участке этого строительства он ни обнаружил свое присутствие. Мы знаем, что от этих прямых, лобовых ударов классовый враг, потерпевший жесточайшее поражение, перешел к другим методам, действуя так называемой тихой сапой. Именно этим об'ясняется то, что он становится менее легко уловимым, менее легко уязвимым и менее, следовательно, доступным для изоляции.

Но в этом и заключается громадная опасность этих преступлений, самих по себе, может быть, мелких, но во всей своей совокупности составляющих громадную социальную опасность. Социальная опасность преступлений, составляющих содержание данного дела, заключается не в том, что взорваны станции, не в том, что выведены из строя сильные, крупные, обладающие большой мощностью турбины, что разрушена и расстроена вся система электроснабжения.

Нет. Но этого и быть не могло, этого и быть не может, потому что фабрики у нас находятся в руках пролетариата, потому что рабочий класс достаточно бдителен для того, чтобы предотвратить такие тяжелые последствия, какие могли бы быть при условии безнаказанной деятельности вредительских групп и отдельных вредителей. Опасность этих преступлений, которыми мы занимаемся в нашем деле, заключается не в этом, а в том, что преступники пытаются бить по мелочам, создавая непрерывные затруднения, непрерывное «аварийное состояние», как это мы видели на отдельных примерах, по отдельным станциям—по Зуевке, по Мосэнерго, по Нигресу, по Златоусту, по Челябгрэсу и т. д. и т. п.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Продолжение речи тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО.

III. Измена социалистическому отечеству.

Здесь, на протяжении всего этого процесса, несколько раз некоторыми обвиняемыми были сделаны попытки об'яснить свои действия тем, что они-де оказались вовлеченными в эту контрреволюционную деятельность другими лицами и в частности английскими монтажными инженерами, сидящими на скамье подсудимых. О вине английских монтажных инженеров по этому делу мы будем говорить особо. Сейчас я говорю об этом для того и потому, чтобы сразу же наметить основные линии обвинения.

Нужно сразу же сказать, что мы к государственным служащим, нарушившим свой долг перед государством, потерявшим чувство своей родины, забывшим свой долг перед своим социалистическим отечеством, должны подходить и подойдем самым суровым образом, безотносительно к тому, явились ли они *«жертвой» чьего-либо коварства или же* пошли по пути преступления самостоятельно, независимо ни от каких посторонних влияний.

Мы должны раз навсегда, и пользуясь высокой трибуной специального присутствия Верховного Суда, на всю нашу страну заявить о том, что государственные служащие есть государственные служащие, к которым у нас будет отношение как к государственным изменникам в тех случаях, когда они будут действовать так, как действуют подсудимые, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Я должен буду напомнить Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 14-го марта этого года, которое, хотя и обращено *непосредственно к ОГПУ, имеет для нас* глубочайшее принципиальное значение. Постановление, которое говорит об особо строгой ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты, ими совершаемые, за которые они должны отвечать особо строго, и что эта особая строгость будет применена по отношению ко всем уличенным в этих преступлениях служащим в государственных учреждениях и предприятиях. Каждый гражданин нашей страны, состоящий на службе в наших государственных учреждениях и предприятиях, которому вверен определенный участок работы, на *ответственности которого лежит* правильное функционирование того или иного учреждения или предприятия, являющегося элементом, составной частью всей системы нашего государственного устройства, должен нести особую ответственность перед своим обществом, перед своим народом, и от этой ответственности он не может быть освобожден ни в малейшей степени независимо от того, сам ли он пошел по пути преступления, или его кто-то повел по этому пути преступления, или с ним еще кто-то *пошел по этому пути преступления.*

Вот почему государственное обвинение, поддерживающее обвинение по настоящему делу против лиц, сидящих на скамье подсудимых, будет и в дальнейшей своей оценке и квалификации степени ответственности и вины отдельных подсудимых исходить именно из этих соображений, имея в виду, что мы должны самым суровым образом ответить на каждую попытку изменить своему долгу государственного служащего, и я бы сказал даже больше,—даже независимо от степени и об'ема причиненного государству этими преступлениями вреда.

В этом деле государственное обвинение считает основными и главными виновниками государственных служащих, *и против них обвинение в первую очередь* направляет свое острие, улики, доказательства и требования суровой уголовной репрессии. Ибо именно они—государственные служащие — обязались честно работать на пролетарское государство и изменили этому обязательству, изменили своему долгу, предали свое пролетарское государство. Мы к ним относимся поэтому иначе, чем относимся к служащим частных фирм, частных контор, и своих и чужих. Мы должны особенно подчеркнуть сугубую ответственность наших государственных служащих по сравнению с ответственностью специалистов-иностранцев или вообще *иностранцев, может быть не-специалистов*, или иных специалистов, чем те, за которых мы их принимали, явившихся к нам работать, участвовать в нашем общем государственном строительстве. Конечно, отвратительны, безобразны преступления, совершенные Торнтонами и Монкгаузами, Кушни и Макдональдами. Но нет слов, чтобы выразить все чувство негодования, чтобы найти формулу презрения, говоря об ответственности государственных служащих нашей страны, забывших свой долг перед своей страной, изменивших своей социалистической родине. Они изменяли, изменяли настолько систематично, настолько повседневно, что, в сущности говоря, некоторые из них даже забывали, чьи они служащие, и вели себя так, как будто они являются служащими не государственного учреждения, а служащими тех коммерческих предприятий, которые сами несут очень высокие обязательства и очень высокую ответственность перед нашим государством, с которым они вступают в те или иные деловые отношения.

Я хочу воспользоваться этой частью своей речи, чтобы решительным образом отвергнуть всякие попытки, которые делались Монкгаузом, потащить обвинение на путь нападения на отдельные иностранные фирмы, в частности на фирму «Метро-Виккерс». Сегодня ряд вопросов, которые были поданы Монкгаузом экспертизе, в сущности говоря, нельзя было расценить иначе, как попытку спровоцировать нас, попытаться изобразить дело так, как будто бы на скамье подсудимых сидит не Монкгауз, а фирма «Метро-Виккерс». Я тогда же предостерегал от подобного рода недоразумений и должен сейчас от этого также решительно предостеречь. Если бы у нас были достаточные данные для пред'явления обвинения к фирме «Метро-Виккерс», мы не остановились бы *на полпути*. Но в данном случае мы должны сказать, что у нас для этого оснований нет, что судить «Метро-Виккерс» в связи с настоящим делом в уголовном порядке или в каком-нибудь ином, чем это предусмотрено существующим договором по отношению к фирме «Метро-Виккерс», мы не собирались и не собираемся. Преступления отдельных должностных лиц московской конторы «Метро-Виккерс», или даже преступные действия отдельных лиц за пределами СССР, имеющих отношение к этой конторе, *мы никак не склонны рассматривать* как действия, совершенные этой фирмой, за которые эта фирма должна нести ответственность как таковая. Мы говорим об отдельных лицах, будь то Монкгауз или Ричардс, мы говорим об отдельных преступлениях как тех, которые находятся сейчас на нашем рассмотрении, так и тех, которые не находятся на нашем рассмотрении в данное время, вне какого бы то ни было отношения к фирме, по отношению к которой Монкгауз сегодня сделал попытку поставить вопрос так, как будто это не он, а фирма сидит на скамье подсудимых. Монкгауз должен забыть, что он здесь фигурирует в каком-нибудь ином качестве, кроме одного—обвиняемого в тягчайших государственных преступлениях служащего этой фирмы, и не больше. Точно так же, как он должен забыть, что он здесь может фигурировать в качестве уполномоченного по московской конторе, принимающего на себя обязанность защищать всех остальных служащих этой конторы, привлеченных к ответственности по настоящему делу.

IV. Три линии обвинения.

Я уже сказал, что государственное обвинение строит свое обвинение по отношению к подсудимым по настоящему делу по трем основным направлениям.

Это раньше всего умышленная порча агрегатов, оборудования. Это, во-вторых, военный шпионаж и, в-третьих, та система подкупов, с которой мы столкнулись в очень широком виде при рассмотрении индивидуальных преступлений отдельных, привлеченных к ответственности по настоящему делу подсудимых.

По вопросу о военном шпионаже в ходе судебного следствия было много разговоров, и некоторые из подсудимых делали вид, что они, в сущности говоря, недостаточно ясно себе представляли содержание этого понятия. Это очень упорно и настойчиво пытался нам здесь внушить Торнтон, который говорил, что шпионаж в его представлении (а эту версию поддерживал и Монкгауз, а за ними двумя или потом и другие обвиняемые из английских граждан, например Кушни) очень серьезно расходился с теми представлениями, какие он получил в процессе предварительного расследования из формулировок пред'являемых ему обвинений. Все они делали вид, что шпионаж по нашему советскому праву в их представлении есть собирание «всяких» сведений и что там, когда они говорили о признании себя виновными в собирании шпионских сведений, они говорили, если хотите, и правду и неправду. Правду потому, что они употребляли эти слова «шпионские сведения», а неправду потому, что под этими словами они представляли себе совершенно не то содержание, которое соответствует соответствующим ст. ст. нашего Уголовного Кодекса.

Я думаю, что в этот вопрос нужно внести полную ясность. Мы словом «шпионаж» не играем. Мы имеем совершенно точное и ясное представление о том, что такое шпионаж, как контрреволюционное преступление, и мы вправе требовать от каждого пребывающего на территории нашей страны такого же ясного и точного представления о том, как наш закон и наше государство понимают значение этого слова, значение и содержание этого преступления.

Индивидуализируя и характеризуя положение в этом процессе каждого отдельного подсудимого, я остановлюсь дальше специально на вопросе о том, как ни Торнтон, ни Монкгауз не имели никакого права прикидываться по своему понимающими значение шпионажа, сводя это понимание не к шпионажу, а к добыванию каких-то «обывательских» слушков и слухов. Но сейчас я хочу остановиться на теоретическом, если позволено будет так сказать, хотя и очень беглом, изложении понятия шпионажа по нашему праву.

Я хотел бы также просить разрешения, ввиду интереса некоторых параллелей, коснуться этого вопроса и с точки зрения иностранного права, права иностранных государств и в том числе английского права, [illegible] права.

Мне кажется, это будет не бесполезно для нашего дела с точки зрения характеристики или оценки индивидуальной ответственности того или иного подсудимого по настоящему делу, в связи с пред'явленными к нему в этой области обвинениями.

Мы знаем, что и отдельные лица, находящиеся на нашей территории, и даже целые группы этих лиц занимаются собиранием разнообразных сведений на территории нашей страны. Но мы никогда не пред'являли и не думаем пред'являть кому-нибудь обвинения в шпионаже на основании только того, что кто-либо, вращающийся в тех или иных кругах нашего общества, вполне легальными путями получает те или иные сведения и об экономическом положении нашей страны, и об урожае, и о ходе той или другой хозяйственно-политической кампании, скажем, посевной или хлебозаготовительной, или о тех или иных даже затруднениях, которые переживает та или иная отрасль нашей промышленности или нашего хозяйства, неизменно растущего в процессе постоянного и победоносного преодоления возникающих на его пути затруднений. Мы не вменяем никогда в вину и не можем рассматривать как основание для привлечения к ответственности по обвинению в шпионаже экономическом или политическом и тех, кто пользуется различного рода сведениями о политических настроениях тех или иных кругов нашего общества, даже если он эти сведения о политических настроениях этих кругов попытается в той или иной обстановке направить против наших интересов. Мы не можем, скажем, требовать, чтобы лица, принадлежащие к другим классам, стоящие на почве совершенно иных свойственных им классовых интересов, имеющих определенное совершенно иное мировоззрение и отношение к окружающей их *действительности, воспринимали* явления нашей действительности так, как воспринимаем мы, советские люди.

Мы никогда не ставим и не поставим вопрос об ответственности по статье 58-6 Уголовного кодекса, когда будем иметь дело с получением или даже собиранием сведений такого рода, о которых я только-что доложил суду, т.-е. таких сведений, как сведения об экономическом положении, о политических настроениях, об урожае, о разного рода хозяйственных кампаниях и т. д., и т. п.

Но, разумеется, это не дает и не должно давать никому никаких оснований пытаться прикрывать действительно шпионскую работу в настоящем значении этого слова указанием на то, что это «обывательские сведения», как пытался утверждать здесь Торнтон, ссылаясь к тому же на якобы очень широкое понимание шпионажа с точки зрения нашего Советского права. А Торнтон так и говорит, что, признавая себя виновным в шпионаже, он думал, что у нас шпионскими сведениями считаются не сведения, имеющие военно-государственное значение, как это есть на самом деле, а всякие сведения, и в том числе такого рода сведения, о которых мы говорили уже выше. Почему он мог так говорить? Может быть потому, что *хотел использовать действительно достаточно* широкие определения в этой области права капиталистических стран, согласно которым под шпионаж можно подвести и такие действия, которые направляются и против интересов отдельных капиталистических групп или даже отдельных капиталистов.

Наше право для этого не дает никаких оснований. Мы имеем совершенно точное понятие о шпионаже. Оно в высокой степени точно изложено в наших действующих законах, и с точки зрения именно наших действующих законов мы и постараемся строить свое обвинение в шпионаже, которое мы пред'являем по нашему делу целому ряду обвиняемых.

Но предварительно несколько слов о том, как смотрят на вопрос о шпионаже различные иностранные государства? Если обратиться к английскому праву, то мы здесь для ответа на данный вопрос имеем материал в виде закона 22-го августа 1911 года о государственных тайнах и такой же закон под аналогичным названием от 1920 года. Статья 2-ая закона о государственных тайнах от 22-го августа 1911 года, представляющего собой новую редакцию закона 1889 года, гласит следующее: «При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осужден, хотя бы такое деяние и не было установлено, если из *обстоятельств дела, из его поведения* или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу опасности и интересам государства».

Вот так буржуазия защищает интересы своего государства, свои классовые интересы, когда ставит вопрос об ответственности по статьям о шпионаже.

И дальше: «Если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запретному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте или используемые в нем, будет собрано, оглашено или передано лицам, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что названные предметы или сведения были изготовлены, добыты, собраны, записаны, оглашены или переданы с целью, угрожающей безопасности интересов государства».

Вот как буржуазия защищает свои интересы в этой области.

А что такое с точки зрения английского закона 1911 года эти самые «запретные места», т.-е. «места, запретные в смысле настоящего закона». Ответ на этот вопрос и очень ясный ответ дает следующая третья статья, которая состоит из целого ряда разделов, в том числе и раздела, содержащего следующий перечень:

«Все железнодорожные пути, дороги, проезды, каналы и иные средства сообщения по суше или по воде, включая все постройки, которые составляют их часть, или находятся в связи с ними, все места, используемые для производства газовой, водяной или электрической энергии или для иной работы государственного значения» и т. д.

Вот что говорит эта статья, прекрасно известная Торнтону, как бывшему военному и как настоящему военному шпиону.

Мы имеем [illegible] по этому вопросу и другой английский закон, [illegible] дополнением к только что оглашенным мною двум *статьям* из этого закона 1911 года,—это закон 23 декабря 1926 года, где точно так же, даже еще более решительно, буржуазия в своих интересах, я это еще раз подчеркиваю и повторяю, защищает и охраняет при помощи закона о шпионаже свои кровные, государственные интересы.

Я имею здесь в виду вторую статью этого закона, которая излагает чрезвычайно интересные мысли.

«При производстве дел, — говорится здесь,—о ком-нибудь по обвинению в преступлении, предусмотренном I ст. Основного Акта, факт, что лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношение с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного Королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо, с целью, угрожающей безопасности и интересам государства, получило или пыталось получить информацию, дающую повод предположить, что она прямо или косвенно полезна неприятелю или может быть полезна неприятелю, или получена с расчетом того, что она может быть ему полезна».

И дальше: «Должно считаться установленным, если только противное не будет доказано, что лицо было в сношениях с иностранным агентом» и т. д. и т. д.

Вот какие законы существуют, гр-н Торнтон, в вашем государстве, защищающем тайны военно-государственного характера, за нарушение которых при*меняются чрезвычайно серьезные* наказания, за нарушение которых виновный в этом подвергается чрезвычайно серьезной ответственности. И после этого Торнтон пытался здесь прикинуться каким-то политическим младенцем, наивным человеком, не знающим, что такое шпионаж, хотя и признавший себя виновным в собирании, как он сам собственноручно писал в своих показаниях, шпионских сведений. Наряду с этим право капиталистических государств знает еще и понятие экономического шпионажа в смысле охранения так называемых промышленных тайн. Для примера можно сослаться хотя бы на германский закон от 9-го марта 1932 года. Мы не знаем промышленных тайн в смысле капиталистического права, но и у нас есть понятие экономического шпионажа, под которым понимается собирание и разглашение экономических сведений, являющихся сведениями, специально охраняемыми государством и перечисленными в перечне, специально указанном в соответствующих законодательных актах, в данном случае, постановлении Совнаркома СССР от 27 апреля 26 года, которое содержит исчерпывающий перечень тех сведений, которые, будучи разглашены, дают основание для пред'явления обвинения в преступлении, подходящем под понятие экономического или военного шпионажа.

Конечно, различные мерки, различный подход к этим вопросам в различных государствах об'ясняются различной природой этих государств. Нужно вообще иметь в виду, когда мы говорим о государстве пролетарской диктатуры, о советском государстве, что мы имеем дело с государством особого рода, которое, по словам Владимира Ильича, является в сущности уже полугосударством. И, действительно, наше государство осуществляет задачи защиты интересов рабочего класса, интересов трудящихся масс, основная и единственная цель и задача нашего государства заключается в защите и охране этих интересов, в борьбе против всякого рода эксплоататорских явлений, против эксплоататорских классов. Конечно, наше государство совсем иного типа, иного рода, иной природы, чем эксплоататорские государства. И хотя мы часто употребляем слово—государство, но мы никогда не должны забывать, что самая природа нашего государства в отличие от буржуазных государств обязывает нас к иному подходу в решении различных задач нашего государственного строительства, чем это имеет место в этих буржуазных государствах.

Так обстоит дело в частности и с вопросом об ответственности наших государственных служащих, о которой я говорил в предыдущем своем изложении, когда я подчеркивал особое значение, которое мы придаем ответственности за совершенные против нашего государства преступления нашими служащими. Это об'ясняется тем, что наши служащие являются слугами трудового народа, что они являются служащими нашего государства, которое является государством трудящихся масс, государством рабочих и крестьян, создающих все ценности, все блага, являющихся основой и источником самого существования нашего государства. Этого нет ни в каком капиталистическом государстве. Отсюда различие в подходе в решении этого вопроса *и в сфере уголовной политики*. В то время как буржуазия, создавая законы, направляемые и против служащих и против трудящихся вообще, действует исключительно в своих классовых интересах, в интересах меньшинства, противостоящего интересам масс, мы, направляя свои законы против служащих, изменяющих нашему государству, действуем в интересах трудящихся и в интересах государства трудящихся, которое защищается таким образом против изменников, против всяких попыток противо*поставить себя и свои интересы* интересам государства, как государства трудящихся. То же самое и с особой силой нужно сказать и по вопросу, который я сейчас затрагиваю в связи с вопросом о шпионаже, как преступлении, направленном против государства трудящихся и с этой точки зрения перерастающем в наших глазах в величайшее преступление против рабочего класса, против пролетариата и против всего будущего всей человеческой цивилизации, создаваемой победоносными успехами нашей *пролетарской революции*.

Отсюда—и те суровые уголовные репрессии, которые мы опрокидываем на головы всех тех, кто только попробует пустить в ход шпионаж против интересов пролетарского государства.

Третий раздел преступлений, с которыми мы сейчас имеем дело в данном процессе,—это раздел, который я озаглавил словом подкуп. И здесь нужно опять-таки исходить из принципиальных особенностей нашей советской жизни, нашего советского строя, с одной стороны, и принципиальных особенностей, которыми характеризуются быт, привычки, нравы и система взаимоотношений в различных кругах различных капиталистических стран, с другой. Монкгауз не мог согласиться с обвинением в оценке трех *тысяч рублей, которые* были даны Долгову в качестве взятки, утверждая, что это была не взятка, что это был подарок. Конечно, понятие взятки, понятие воровства, как и другие понятия, о которых я уже раньше говорил, у нас и в буржуазном обществе бывают очень часто различными, и это вполне естественно.

У В. И. Ленина есть одно место, где он говорил об этом различии. Разрешите мне привести этот красноречивый пример: «Когда рабочий,—писал Ленин, — украдет булку, то его в буржуазной стране посадят за это в тюрьму, а когда богатый, украдет железную дорогу, то его назначат сенатором»... Это действительно свидетельствует о величайшем принципиальном различии взглядов на вещи: *воровство бедняком* куска хлеба в глазах буржуазии—преступление, а воровство богатым целой железной дороги — это проявление большого государственного ума и большой государственной виртуозности, за это нужно назначить сенатором.

Так и в области взяток. Мы говорим о взятке, как о раз'едающем наш организм зле, с которым нужно самым жестким, самым беспощадным образом бороться, стараясь выжечь каленым железом из системы наших отношений такие явления, как взяточничество. А между тем мы знаем, что в буржуазных кругах — отдельных, конечно, я не хочу делать слишком широких здесь обобщений, — в отдельных буржуазных кругах, предпринимательских, деляческих, банкирских и т. д. и т. п., да и во всем буржуазном обществе в целом, когда мы говорим об этом принципиально, взятка не считается преступлением, ибо на взятке держится нередко все благополучие разных выскочек, карьеристов, парламентских и биржевых дельцов и т. д. и т. п.

Все ваши, граждане Монкгауз и Торнтон, разговоры о том, что это «подарок», потому что он «небольшой», потому что он дается за «работу», за то-то и то-то, для нас не убедительны. Такие «подарки» мы рассматриваем как взятку, потому что это есть такого рода действия, которые влекут за собой переключение внимания, энергии, стремлений, желаний, обязанностей от интересов государства к частным интересам, очень часто в определенных случаях противоположным интересам государства.

Да, да, и так это и с вашей фирмой, в отношении которой мы,—я еще раз это повторяю,—не имеем данных для привлечения по этому делу к уголовной ответственности, но которая, по вашим же собственным словам и показаниям, гр-н Монкгауз, от которых вы пытались уйти после того, как мы их зафиксировали собственной подписью,—выполняет очень часто, сплошь и рядом недобросовестно свои обязанности по отношению к Советскому государству. Последнее вы здесь сами характеризовали таким образом, что если бы вы были покупателем, то не стали бы покупать такого оборудования, которое вы, как продавец, осмеливаетесь однако продавать за трудовые народные деньги, выплачиваемые вам нашей страной за это оборудование.

Пусть тот же самый Монкгауз, и пусть тот же самый Торнтон, и пусть те же самые другие их сотрудники, о которых я индивидуально буду говорить в следующей части своей речи, передавая взятки нашим государственным служащим, подкупая этими взятками этих государственных служащих, переводя их на сторону своих интересов и противопоставляя их интересам нашего пролетарского государства,—пусть они не смеют прикрываться тем, что у них понятия об этих действиях связываются с понятием не о взятке, а о подарке. Законы их собственной страны не позволяют им ни думать, ни говорить, ни защищаться такими соображениями.

Я хочу напомнить здесь несколько законов английского статутного права, посвященных именно этому вопросу о взяточничестве. Вот, например, мы имеем закон 1889 года о взяточничестве в публично-правовых организациях. Из этого закона видно, как буржуазия умеет свои общественные организации, свои организации публично-правового характера защищать строже и сильнее, чем частные предприятия, когда эти частные предприятия и организации осмеливаются вступать в противоречие с государственными интересами.

Мы имеем закон 1906 г., который носит характерное название «о предупреждении коррупции», той самой коррупции, которой обвиняемые систематически здесь занимались под прикрытием своей фирмы, и аналогичный закон 1916 г.

По закону 1889 года взяткой считается «предоставление кому-либо (так и сказано, гр. Монкгауз) в качестве взятки обещания, предложения, подарка, ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, что должно побудить его что-либо сделать, или воздержаться от выполнения чего-либо, имеющего отношение к делу, в котором принимает участие публично-правовая организация».

Вот как ставится дело. Если государственный чиновник стоит на страже интересов учреждения, в котором он выполняет ту или иную функцию, то всякого рода подарки, предоставление ему каких-либо материальных ценностей, которые могли *бы* его заставить что-либо сделать, или что-либо не сделать, вопреки его долгу, служебным обязанностям, являются уже взяткой, рассматриваемой в соответствии с этим законом как уголовное преступление.

То же самое по закону 1906 г., где говорится следующее: «Если кто-либо, действуя недобросовестно в качестве чьего-либо представителя, примет или добьется, чтобы ему были даны, или согласится получить от кого-либо для него самого или для другого лица подарок или что-либо, имеющее ценность, для побуждения к выполнению или воздержанию от выполнения» и т. д.... это есть уже взятка.

В законе 1916 г. говорится то же самое, при чем создается очень интересная презумпция: что «до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться установленным, что деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах»...

Вот как говорят законы, законы той страны, которая вас, обвин. Монкгауз, Торнтон и др., сюда послала для определенных целей в силу договора, существующего между нашими учреждениями и вашей фирмой, представителем которой вы, Монкгауз, здесь в Москве являетесь. Взятка есть взятка. Как бы ее ни называли, она не изменит своего существа и по законам буржуазного государства и тем более по нашим законам.

Может встать юридический вопрос о том, почему в нашем обвинении не пред'явлена специальная статья, говорящая о взяточничестве, тогда как мы обвиняем во взяточничестве. Почему ее здесь нет? *Почему* среди всех этих статей— 58—6, 7, 9, 11—не нашлось места и специальной статье, говорящей о взяточничестве,—118 ст. УК? Ответ на этот вопрос очень прост: потому, что взятка в тех условиях, при которых является достаточно обоснованным пред'явление обвинения и, буду надеяться, осуждение по этому пред'являемому нами обвинению в преступлениях контрреволюционных, является лишь своеобразной формой проявления этого контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является контрреволюционным преступлением, является крупнейшим и тягчайшим государственным преступлением.

Это не просто взятка, которая дается за оказание той или другой «услуги», не затрагивающей и не способной затронуть самих основ государственной системы отношений. Когда взятка приобретает характер способа, при помощи которого пытаются контрреволюционеры нанести удар именно этим отношениям, затронуть именно эти основы государственных отношений, тогда мы не можем рассматривать уже ее как обыкновенную взятку в ее специфической форме, как это выражено в ст.ст. 117 и 118 УК РСФСР, т.-е. как получение каким-либо должностным лицом вознаграждения за выполнение или невыполнение каких-либо служебных действий,—а рассматриваем это, лишь как своеобразное проявление контрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строительства, которое оказывается и при помощи заговора, и при помощи взрыва, поджога, и при помощи контрреволюционной агитации, и при помощи других самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам нашего социалистического строительства.

Аналогичный случай мы имеем и с декретом 7 августа, когда при определенных условиях воровство (хищение) рассматривается не как простое воровство, но поднимается до значения крупнейшего политического акта, который вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие, квалифицируемое именно декретом 7 августа, как всем известно, именно как крупнейшее, как величайшее государственное преступление, покушающееся на самую основу советского строя, какой является наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность.

Вот почему и здесь не должно быть места удивлению по поводу того, что мы не пред'являем специальной статьи, говорящей о взяточничестве, выделяя ее из множества статей нашего Уголовного Кодекса, но включаем состав предусмотренного этой статьей преступления в общий состав преступлений, охватываемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые [illegible] обвиняемым всеми остальными статьями контрреволюционных преступлений— 58-, 7, 9 и 11 УК.

V. Организация аварий на электростанциях.

Переходя к характеристике отдельных преступлений, совершенных каждым из подсудимых, необходимо дать характеристику тех событий, которые имели место в связи с этой преступной деятельностью на тех или иных электростанциях, и дать, наконец, квалификацию этих преступлений с точки зрения требований нашего уголовного закона.

Мы имеем ряд станций, о которых уже говорилось очень детально и обстоятельно во всем протяжении судебного следствия. Мы имеем Златоустовскую станцию, Зуевскую электростанцию, Ивановскую электростанцию, Бакинскую электростанцию и целую группу электростанций, об'единенных в этом деле и в наших материалах общим именем — Мосэнерго.

Позвольте мне и перейти к краткой характеристике положения дел, создавшихся на каждой из этих станций в связи, а отчасти и в прямой зависимости от преступно-вредительской, контрреволюционной деятельности связанных с этими станциями и работающих на этих станциях контрреволюционеров и вредителей, привлеченных по настоящему делу.

Златоустовская электростанция. В период времени 31—32 гг. на Златоустовской электростанции мы наблюдаем ряд систематически повторяющихся из месяца в месяц аварий. Мы имели здесь ряд аварий, не одну аварию, а ряд аварий с мотором в 1.400 л. с., обслуживающим, как вы помните из данных нашего судебного следствия, крупносортный стан прокатного цеха, который непосредственно обслуживал производство ряда заводов и в том числе военные цеха и военные заводы.

Мы имели аварии с мотором в 1.400 л. с. на Златоустовской электростанции: 10 апреля, 12 мая, 13 июня и т. д. и т. д. в течение этих двух лет, но это не значит, что этих аварий не было раньше. Эти аварии были и до этого. Если мы говорим об этих авариях, то только потому, что именно эти несколько аварий дали нам нити к тому, чтобы вскрыть истинные и подлинные причины этих аварий, а, во-вторых, потому, что по поводу этих аварий были составлены акты, вопреки тому методу действий вредителей, который, между прочим, заключался и в том, чтобы или вовсе не составлять актов об авариях, или составлять акты заведомо ложным образом, чтобы в них не были установлены действительные причины этих аварий. Мы имеем ряд аварий с мотором в 1.400 л. с., которые имели своим прямым последствием попытку нанести удар по тому производству, которое в свою очередь имело основное значение для прокатки и, в частности, имело основное значение для военного производства. 5—6 раз подряд выводится мотор из строя благодаря сознательной, умышленной вредительской работе нескольких лиц: Гусева, Соколова, Макдональда, на этом именно участке сосредоточивших свое основное внимание и направлявших все свои усилия, чтобы бить по этому очень важному, с точки зрения нормального хода производства и, в частности, военного производства, агрегату этой электростанции.

Но этим дело не ограничивается — мы имеем факт замораживания котла № 8, когда не были закрыты шибера— тоже совершенно сознательно, и когда это привело тоже к аварии.

В конце 1931 года выводится из строя на той же электростанции углеподача. При двух углеподачах, из которых одна играет резервную и очень важную роль, умышленно и опять-таки очень тонко, под видом некоторого рода переустройства,—тоже своего рода рационализации, о которой здесь говорил подсудимый Гусев,—разрушают фундамент, а затем начинают ремонт углеподачи, выводя ее из строя и оставляя станцию в таком состоянии, которое на их вредительском языке получило специально техническую формулу — «аварийного состояния» станции.

Мы имеем, наконец, задержку в переоборудовании котлов № 1, 2 и 11, что привело станцию в такое положение, когда она должна была иметь и имела в действительности только сниженную мощность, и сниженную очень значительно, примерно наполовину—с 12.000 киловатт нормальной мощности могла развить едва только 6.000 киловатт. Вы помните, тов. судьи, как эти аварии производились. Нельзя сказать, чтобы они производились уже очень сложным способом. Наоборот, как показывал здесь уже Гусев, авария с мотором в 1.400 лош. сил была вызвана очень легким путем—введением в междужелезное пространство между статором и ротором постороннего металлического предмета.

Анализируя причины этих аварий, в частности и важнее всего аварии 10 апреля, мы видим, что целый ряд других аварий с тем же мотором, о котором я говорил сейчас,—аварии 12 и 13 июня и другие,—явились прямым результатом недоброкачественного, недобросовестного устранения причин первой аварии, сознательного и умышленно плохого ремонта после первой аварии. *Именно этот* плохой, умышленно плохо произведенный ремонт мотора после первой аварии был причиной и ряда последующих аварий, с которыми мы встречались затем на этом моторе в 1.400 л. с. Анализируя причины этой аварии, экспертная комиссия пришла к заключению, что смещение статорного железа могло произойти из-за попадания в междужелезное пространство постороннего металлического предмета и что в нормальных эксплоатационных условиях постороннее железо не могло попасть в мотор и может быть внесено туда только искусственно.

Но тогда, когда экспертная комиссия анализировала эти данные, опираясь на аварийный акт, она, конечно, не имела в виду показания Гусева, которые прошли здесь перед судом, в которых Гусев рассказал сам, как в действительности это постороннее железо попало в мотор, как оно было туда вложено сознательно, умышленно, благодаря вредительским планам, на основе которых развертывалась вся деятельность Гусева в этот период.

Зимой 1932 года на Златоустовской электростанции произошла новая авария с котлом № 8, который стоял в холодном резерве. И эта авария была произведена умышленно и, как оказалось, *не бог весть каким мудреным способом*— не были закрыты шибера, не была спущена вода, а когда пришла зима, котел замерз, и произошел разрыв ряда трубок. По заключению экспертной комиссии, и эта авария могла произойти либо от халатного отношения котельного персонала к оборудованию, или от злого умысла.

Защита могла бы стать на почву этой альтернативы и сказать: экспертиза установила, что авария могла произойти или по причине злого умысла, или по причине халатности. Экспертиза не может сказать иначе, ибо она добросовестно, об'ективно обследовала этот вопрос, не имея в виду суб'ективной деятельности того или иного лица. Экспертиза исходила лишь из общих технических условий, в которых эти факты, чисто об'ективные, имели место. Характеризовать же эти факты с точки зрения персональной деятельности—это уже наше дело. Наше дело показать, что и здесь причиной являлась не халатность, а именно злой умысел. Из этих двух возможных причин в данных конкретных условиях с аварией котла № 8 и играла роль только одна причина, и это опять-таки злой вредительский умысел, контрреволюционный акт, направленный против *нормальной работы этой электростанции*.

На той же электростанции в начале 1932 года была произведена, как я сказал, разборка резервной углеподачи. При каких условиях возможна была разборка этой резервной углеподачи,—вот первый вопрос, который следствие поставило перед экспертной комиссией. И получило ответ: «Разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Таким образом, возникает второй вопрос, поставленный перед экспертизой,—были ли все эти три условия налицо в момент, когда происходила разборка углеподачи. Экспертиза ответила: «В данном случае этих условий не было, ибо для монтажа этой углеподачи должны были иметься все необходимые части, должны были быть предварительно осуществлены все подготовительные работы». Не было сделано ни первого, ни второго. А потому, на основании строго об'ективного анализа, имеющегося в деле материала, экспертиза пришла к заключению, что «разборка углеподачи была произведена с явно вредительской целью». Здесь даже не нужно иметь сознания преступника, здесь даже не нужно иметь живого автора этих вредительских действий. Достаточно иметь заключения экспертизы, чтобы сказать, что здесь не может быть и речи ни о какой халатности, здесь не может быть речи даже о преступной халатности. Здесь могут быть только прямые вредительские действия, удары, направленные против нашего советского, в данном случае, силового хозяйства, ибо то, что совершали подсудимые, свидетельствует только об одном и не может свидетельствовать ни о чем другом — свидетельствует о злом вредительском умысле, о сознательной вредительской работе, о сознательном вредительском разрушении, о том, что мы называем диверсией.

Мы имеем, таким образом, ряд аварий, которые все являются результатом умышленной контрреволюционной диверсионной деятельности людей, которые, будучи поставлены властью, поставленной рабочим классом, нашей пролетарской революцией на посты, на которых им было доверено государственное имущество, не только не хранили и не охраняли его, но пытались его *портить* и калечить, подготовляя и совершая диверсионные акты, ведя хотя и в скрытой, замаскированной форме, но подлинную войну с рабочим классом путем разрушения, путем уничтожения нашего государственного имущества.

Мы имеем далее на этой же станции ряд актов сознательного выведения из эксплоатации котлов. Котлы Стерлинга № 1 и № 2 каждый поверхностью по 260 кв. метров с мая 28 года выводятся из строя по прямому поручению *и с прямым соучастием Макдональда*, по плану, который разрабатывается, проводится систематически и методически в жизнь и притом по совершенно нелегальным основаниям: ремонт, переделка, перестройка. То же «реконструкция».

Переделываются топки, и переделываются таким образом, что, несмотря на то, что в 30 году необходимое для успешного окончания этой переделки импортное оборудование уже лежит на площадке этой станции, тем не менее эта переделка длится около или даже свыше 2-х лет.

И дальше, здесь же 3-й котел, котел № 11 Юнг, который переделывается, монтируется в течение двух с половиной лет.

А здесь какие причины? Экспертная комиссия говорит: «Наличие злого умысла и по меньшей мере преступная халатность». Но и преступная халатность также есть не что иное, как проявление этого преступного умысла. А в результате — задержка в монтаже котлов № 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов.

Зуевская электростанция. В июне — июле 1932 г. на Зуевке произошла авария с генератором № 3. Как она произошла? Об этом говорил здесь Котляревский, очень спокойно говорил. Я даже думал, что Котляревский, как я это дальше должен буду сказать и о некоторых других, например, о Сухоручкине, *вероятно, чувствовал себя здесь как бы* на академическом заседании какого-нибудь научно-технического общества, где он делал спокойный академический доклад о своих достижениях в области вредительства. Поразительная картина, чудовищная картина! Чудовищно, когда инженер, действительно призванный создавать, когда инженер, на советские, пролетарские средства вскормленный и вспоенный на груди пролетарской революции, змеиным жалом пытается вонзиться в самое сердце этой революции! Котляревский здесь говорил о том, что он вложил в генератор болт и вызвал аварию. Хорошо, что эта авария не повлекла за собой таких последствий, какие она вообще могла повлечь. Но разве это был один-единственный случай и *разве там не находились другие* посторонние болты, в таких местах, где им никак не надлежало находиться. — Мы это установили здесь на судебном следствии. Куски доски, камень, какая-то щетка для обтирания — в недрах наших машин.

Экспертная комиссия по этому поводу пришла к совершенно категорическому выводу. Она говорит: «Случаи нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болтов, куска доски, камня и проч.) не могут рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого злого умысла». «Ведущий техник (добавляет она) не может не знать, что попадание посторонних предметов, особенно болтов, в междужеле*зное пространство генератора* может привести к серьезному повреждению статора и выходу из строя всего агрегата».

Мы имеем также на Зуевке ряд аварий, которые произошли с турбинами № 1—3 с масляными насосами, по поводу которых я также хотел *бы* напомнить заключение экспертной комиссии, установившей, «что состояние масляного насоса, которое наблюдалось на этой турбине 1—3 на этой Зуевской электростанции, ставило под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

На основании всех материалов, которые прошли перед нами на этом судебном следствии, мы можем прямо сказать, что это не только явно недобросовестное отношение к делу лиц, производивших монтаж, а то, что мы характеризуем опять-таки как умышленную вредительскую деятельность.

Я не буду останавливаться на других авариях этой же самой Зуевской электростанции. Я должен буду только просить суд обратиться к материалам экспертной комиссии, вспомнить об этих фактах в своей совещательной комнате и также вспомнить о той оценке, которая экспертами-техниками была дана этим авариям, свидетельствующим о том, что в результате своей работы в известной мере, в известные периоды времени эта группа зуевских вредителей добилась того, что Зуевская электростанция на некоторых своих участках была действительно и в течение некоторого периода времени приведена в аварийное состояние.

Ивановская электростанция—ИВГРЭС. В течение времени с января 1932 г. по день возбуждения расследования по настоящему делу—начало 1933 г., и здесь равным образом происходит целый ряд разнообразных аварий, в своем результате выводивших из строя те или другие агрегаты. Эти аварии являлись следствием различных причин — и ненадлежащего регулирования турбин, и системы ненадлежащего обслуживания турбин, и ненормальной работы контрольно-измерительной аппаратуры. Кроме того, здесь имел место случай неоднократного, я не скажу,—выхода, а вывода из строя моторов цепных решеток котлов путем *очень примитивным*—путем перереза кабеля, питающего эти моторы. Мотор кабеля выводился из строя, вследствие засорения мотора песком.

Имели место неоднократные ложные выключения фидеров собственных нужд. Мотор дымососа котла № 5 умышленно сжигали путем умышленного закрытия вентиляции этого мотора; был произведен взрыв контактной коробки мотора пожарного насоса тоже путем введения посторонних предметов туда, а кроме того, осуществлялись систематические расстройства телефонной станции, что прерывало связь между отдельными агрегатами всей электростанции и что, разумеется, вело к тем же самым последствиям, ослабляющим производственные возможности этой станции, к чему была *направлена и вся деятельность* этой ИВГРЭС'овской вредительской группы.

Я хотел бы теперь кратко коснуться Бакинской Государственной Районной электростанции, где тоже мы имеем с турбогенераторами № 11 и 12 ряд систематических аварий, ряд простоев машины, начиная с 1928 г. и продолжая это и в 1930 г. — авария 11-го марта, и в 1931 г. — авария 15-го февраля и опять-таки в 1931 г. — авария 21-го февраля и опять-таки в 1931 г. — авария 22-го марта. Эти аварии были *обнаружены* только при вскрытии турбины № 11 для ремонта перед производством испытания машин, согласно договору, хотя, учитывая размеры этих аварий, нужно было признать, как утверждает экспертная комиссия, что эти аварии должны были сопровождаться внешними признаками — стуком машины, усиленным шумом и вибрацией, нарушением плавности хода, а все это не *могло* не обратить на себя внимание рачительного и добросовестного персонала, обслуживающего эту станцию, монтаж которой монтировал обвиняемый Кушни. Правда, эти последние аварии были тогда, когда он уже был здесь в Москве, но оставленное им наследство, связанное с авариями 28 года, сыграло, очевидно, свою роль и в дальнейшем.

И, *наконец, последняя* электростанция или, вернее, группа электростанций, которые об'единяются тем, что я здесь уже сказал,—Мосэнерго, тоже говорит о систематических авариях на протяжении целой пятилетки. Можно сказать, что у вредительской группы Мосэнерго была своя вредительская пятилетка, начинающаяся в 27—28 гг. и, нужно надеяться, прерванная, и окончательно, на этом процессе вредителей, арестованных по этому делу.

Мы имеем ряд аварий на 1-й ГЭС с турбинами №№ 27 и 28. Я прошу обратить внимание на это действительно совершенно невероятное множество аварий, систематически следующих одна за другой—9 марта, 10 мая, 16 июня, 28 ноября и т. д. и т. п. Вредители остановили работу циркуляционных насосов турбин: 4 декабря 31 г. происходит авария на Шатурской станции, входящей также в систему Мосэнерго, 22 мая, 18 ноября 31 г., 9 мая 32 года, происходят аварии на Орехово-Зуевской электротеплоцентрали. Все это дает нам полное право задуматься, наконец, над тем, где же причины этих аварий, в чем же секрет этих аварий на этих станциях, аварий, которые, как это было выяснено на судебном следствии в результате допроса по этому вопросу тов. Регинским, как раз обслуживают чрезвычайно важные и ответственные участки Красной Москвы—«Серп и молот», «Спартак», Кремль, Крутицкие казармы, казармы имени Дзержинского. Вся радиопередача выключается в результате одного только удачно проведенного вредительского акта, выводящего из строя распределительные турбины, [illegible] на распределительном щите в 6.600 киловатт.

Мы имеем связанные со станциями Мосэнерго, однако, не только отдельные предприятия, отдельные учреждения нашей красной столицы, мы имеем связанные с Мосэнерго крупнейшие промышленные центры всей Московской области. Коломна, Егорьевск, [illegible], Сергиево, Тула, Зарайск, Рязань, Ногинск, Кашира — вот целая система крупнейших, важнейших, имеющих общегосударственное и военно-государственное значение предприятий, работа которых стоит и держится имеет-

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 4 СТР.

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского.

вой своей частью мощь и сила нашего советского хозяйства, нашей социалистической промышленности,—крупнейшие заводы Электростали, Тульские заводы, «Серп и молот», «АМО», Трехгорная мануфактура, целый ряд текстильных, металлообрабатывающих, химических, цементных заводов и фабрик, не говоря о системе мелких заводов, питающихся электроэнергией от станции МОГЭС. Вот почему, естественно, на МОГЭС было направлено основное внимание вредительской группы, вот почему, естественно, нужно было здесь действовать наиболее умело, тонко, решительно, при помощи наиболее квалифицированной агентуры. И вы видите, товарищи судьи, что если мы в других случаях имеем перед собой такие фигуры, как Олейник или Лебедев, второстепенные сравнительно фигуры, попавшие в сеть этих разведчиков, шпионов, провокаторов и вредителей, то вы здесь, на МОГЭС, имеете другую группу гораздо более квалифицированных, гораздо более опытных, гораздо более солидных людей, которым и платить-то как-то не особенно было удобно, и платить-то не особенно прилично, хотя все-таки платили и, надо сказать, плохо платили. Доцент Зорин,— о чем будет речь дальше,— инженер Сухоручкин,— вы его показания здесь помните, инженер Крашенинников,— и его вы тоже помните,—три надежных опоры вредительской контрреволюции, заговорщиков на Мосэнерго. Это опытные, спокойные, не теряющие мужества, как некоторые из их соучастников, умеющие скрывать свои вредительские действия—«работу», «деятельность», люди, умеющие понимать друг друга с первого слова, я скажу больше и дальше — с первого взгляда. Тут кой-кто из защитников пытался так построить защиту в отношении других подсудимых: «Что же, вы разговаривали первый раз 10 минут, другой раз 20 минут, третий раз 30 минут, в общей сложности за все встречи 2 часа, и что же за такой 2-часовой разговор можно сделать». Наивное рассуждение, тоже свидетельствующее о недостаточно ясном представлении, о ком идет речь и о каких делах идет речь. Именно эти люди—Зорин, Сухоручкин, Крашенинников—это люди, понимающие с одного слова, что от них требуется, это люди, понимающие, что говорит выражение глаз, что говорят складки губ, умеющие воспринимать эти вредительские песни без слов контрреволюции. И меня нисколько не удивляет, что у них был мгновенный разговор, что у них был быстроходный разговор, нисколько не удивляет.

Что мы видим на Мосэнерго?—Я ска-

вы—авария на первой МОГЭС, на Шатуре, на Орехово-Зуевской ГЭС. Мы имеем, таким образом, достаточно длинную серию аварий, организованных достаточно умело и опытно.

Заканчивая перечень этих аварийных вредительских случаев, я должен все-таки с удовлетворением констатировать, что как ни многочисленны были эти аварии, они не смогли причинить нашим социалистическим предприятиям сколько-нибудь значительного вреда, что все эти вредительские акты разбились о мощь и прочность наших предприятий. Я должен констатировать бессилие и ничтожество этих людей, такое же бессилие этих вредительских актов, какое некоторые из их соучастников, и в частности Торнтон, обнаружили здесь, такое же бессилие и ничтожество в организации своей собственной защиты.

VI. Обвиняемые и их преступная деятельность.

Позвольте перейти к характеристике преступлений, роли и ответственности отдельных преступников. Мы имеем перед собой такой факт, как собственное признание ряда людей. Это могло бы освободить в иных случаях вообще от исследования каких бы то ни было других доказательств. Мы знаем, что по процессуальному праву и любого капиталистического государства и, в частности, по процессуальному праву Англии одно только сознание обвиняемого перед судом дает право суду не производить никакого судебного следствия. Такая же процессуальная норма имеется и в нашем праве, ибо не всегда при наличии сознания обвиняемого является необходимость проверки всех обстоятельств дела в целях проверки правильности этого признания. Но в буржуазном праве этот принцип — не случаен. В буржуазных странах продолжает парить старое, средневековое представление о значении и качестве доказательств, среди которых личное сознание обвиняемого считалось лучшим, считалось «царицей всех доказательств».

Поэтому с точки зрения тех, кто следит за каждым шагом судебного следствия и тем нервно следил и следит за ходом предварительного следствия, что терял по временам хладнокровие и ударялся в истерику, мы могли бы сказать, что, даже исходя из об'яснений подсудимых, надлежит признать обвинение полностью доказанным.

Не надо подчеркнуть, товарищи судьи, что в этом процессе, который имеет величайшее значение, наряду с признанием самих обвиняемых мы имеем целую сумму об'ективных доказательств, против которых не могут устоять никакие враждебные нам силы.

Мы никогда не имели такого богатого обличительного, обвиняющего, доказательного, об'ективного материала, каким является эта папка экспертизы, опирающейся на имевшие место факты аварий, на обследование этих фактов аварий, на тщательный анализ причин этих аварий и на выводы совершенно категорического порядка, говорящие о том, что эти аварии были, что они были организованы умышленно. Таким образом, у нас имеются в руках все эти об'ективные материалы, которые говорят о том, что даже при самом пылком воображении нельзя выдумать того, что в действительности имело место, что зафиксировано, запечатлено и в актах и фотографиях и даже в живой защите тех из обвиняемых, которые пытаются вообще опорочить все то, на что мы ссылаемся, из что еще недавно ссылались они сами, как на имевшие место, достоверные и безусловно установленные факты.

Я хотел просить Специальное присутствие Верховного суда, когда оно будет обсуждать приговор, обратить внимание именно на эту сторону дела и еще раз просмотреть, хотя бы для этой цели с точки зрения оценки позиции обвинителя в этом вопросе, представленное вами Верховному суду наше обвинительное заключение, где мы в основу кладем экспертизу, где мы кладем в основу наших обвинений твердо установленные факты, где мы в основу кладем материал с точки зрения техники, с точки зрения технической экспертизы, те самые факты, из анализа которых мы приходим к оценке суб'ективных показаний и суб'ективных признаний.

В моем присутствии на предварительном следствии т. Рогинский и следователь по важнейшим делам вели допрос Макдональда, когда Макдональд в первые же 10 минут нашего разговора с ним по поводу пред'явленного ему обвинения на допросе в ГПУ подтвердил правильность своих показаний и дал дополнительные, — я думаю, я уверен в этом, — искренние и добросовестные показания, которыми не отличаются показания других его сограждан, привлеченных к этому делу, в частности показания Торнтона.

Этот штатский скромный инженер, который к тому же и не играет такой роли в этом деле, как Торнтон, а, может быть, именно поэтому, в этом процессе нашел в себе достаточно мужества, чтобы сознаться, будучи схвачен за руку, в тех преступлениях, которые он действительно совершал. Он действовал, этот штатский инженер, мужественнее, чем действовал этот месопотамский храбрый воин. Когда мы спросили Макдональда, чем же об'ясняется то, что вы дали такие показания, Макдональд ответил: двумя обстоятельствами: «Я хочу внести полную и возможную ясность в это дело, и я должен дать эти показания под тяжестью пред'явленных мне улик и доказательств». Вот был ответ Макдональда. И это правда, и это верно, ибо тяжесть наших улик очень велика, тяжесть этих улик опирается на громадную работу, проделанную в процессе предварительного следствия, в небывалые по быстроте сроки. Это техническая проверка тех актов, тех фактов, на основании которых было воздвигнуто, и,— я сейчас могу с удовлетворением сказать,—прочно стоит наше здание государственного обвинения.

Гусев, начальник Златоустовской электростанции, Василий Алексеевич, с 1918 по 1920 год служил в армии Колчака, куда поступил добровольцем. Мы встречались кое-где в различных процессах по государственным преступлениям с преступниками, которые бывали в армиях белых, контрреволюционных армиях, но не так часто мы встречаем тех, кто там бывал в качестве добровольцев. Доброволец Гусев, который участвует в боевых походах колчаковской армии против армий рабочих и крестьян, который после разгрома колчаковской армии не извлекает из этого для себя никаких уроков, который продолжает оставаться, собственно говоря, тем же добровольцем, хотя и не в рядах армии, каким он был, когда добровольно вступил в ряды этой армии.

И вот он попадает на Златоустовский завод. Он довольно быстро проходит ряд должностных ступеней и, наконец, мы его застаем в положении, когда ему доверяется судьба Златоустовской электростанции.

Он, начальник Златоустовской электростанции, обслуживающей громадный комбинат громадной государственной важности, имеющий заводы, предприятия громадного государственного значения.

Я не могу, конечно, здесь не отдать должного и тем лицам, которые допустили подобное положение, что еще раз свидетельствует об отсутствии у кое-кого из наших хозяйственников классовой бдительности, очень часто мешающем им правильно расставить силы в своих предприятиях, правильно формировать кадры предприятия, а в особенности для такого ответственного участка, каким является электростанция, да еще Златоустовская электростанция.

Но сейчас речь идет о Гусеве. Гусев сам себя охарактеризовал достаточно хорошо, как ярко выраженный, совершенно сложившийся тип контрреволюционера, разведчика, шпиона, вредителя, сам об'яснявший это той средой, в которой он вращался, теми приятельскими отношениями со всеми этими Шалаевыми, Богуславскими, осужденными в свое время по другим вредительским делам. Но это дела не меняет, это только дело об'ясняет. И вот Гусев портит мотор и потом, когда его схватили, говорит: получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортного стана прокатного цеха Златоустовского завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок.

Снарядами эти господа интересовались очень, серьезно, и вполне понятно почему, так вполне понятно, для чего и как вполне понятно—для кого. Интересовались очень серьезно. Не могу сразу же не сказать о том, что ведь именно Гусев, по словам того же Торнтона, который сначала «полагал», а потом подтвердил, что Гусев был, по его выражению, резидентом Макдональда в Златоустовском районе, систематически занимался собиранием сведений военного характера и эти сведения направлял Макдональду, а Макдональд Торнтону, который получал эти сведения только одним путем, как он сам говорил—от Гусева, ибо только Гусев был единственным источником получения этих сведений, которые получал Торнтон. А что это за сведения,—это мы уже видели,—это сведения о военных цехах, сведения о снарядах, сведения о высококачественной стали, которая нужна для моторов авиационных, которая нужна для тех же снарядов, которая нужна для холодного оружия, которая нужна для вооружения нашей Красной армии. Собирает сведения, портит машины, станы! Как он это сделал?—«При контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора я подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот листок железа и явился причиной аварии, так как, попав в междужелезное пространство, произвел сдвиг части пакета статорного железа и роторного; сдвинутое железо перерезало изоляцию, в которой заложена обмотка статора, а это последнее обстоятельство и явилось причиной аварии». Сдвиг железа произошел в нескольких местах, говорит Гусев. Но так как этот дефект не был исправлен, то он не только произвел аварию, не только повредил обмотку статора, но и обусловил ряд дальнейших аварий, явившихся прямым результатом первой аварии, обеспечивших систематические удары по этому же самому мотору, приводящему в движение этот же самый крупносортный стан прокатного цеха металлургического завода, именно с целью помешать выпуску снарядов и приостановить снарядные заготовки.

Мы не готовимся к войне, но мы готовы к войне, и с этой точки зрения надлежит оттенить вот эти диверсионные акты, которые направлены были на то, чтобы попробовать ослабить нашу обороноспособность, о которой, как об этом я считаю уместным сейчас еще раз напомнить, свидетельствует показание Торнтона 13 марта о его шпионской сетке, чрезвычайно интересовался, говоря об оборонительных и наступательных возможностях Советского союза.

Хорошие возможности! Крепкие возможности! Попробуйте, господа разведчики!

Я не хочу останавливаться на таком же подробном анализе вредительских актов того же Гусева в отношении углеподачи, потому что все эти материалы были уже подробно рассмотрены на судебном следствии, в деле. Вы их еще раз внимательнейшим и подробнейшим образом просмотрите вне этой борьбы сторон, в своей совещательной комнате, и сделаете все необходимые выводы.

Я не скрою от суда своего представления о Гусеве, как об одной из главных фигур в этом контрреволюционном заговоре в электропромышленности. Я по отношению к Гусеву должен потребовать наиболее сурового наказания, чем в отношении кого-нибудь другого обвиняемого, исходя из этой его роли, характера его преступлений, а также исходя из тех общих принципиальных соображений, определяющих содержание и направление нашей советской уголовной политики, о которой я вчера говорил достаточно продолжительно, для того, чтобы сегодня к этому вопросу не возвращаться и, в частности, опираясь на известное вам, товарищи судьи, постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов от 14 марта этого года.

Соколов—электрик той же станции—Василий Андреевич. Он вначале занимает должность помощника Гусева по силовой станции, а впоследствии выдвигается на должность главного электрика силовой станции.

Соколов тоже признал себя виновным, но для нас его признание недостаточно.

Чем доказывается виновность Соколова, кроме тех признаний, которые были даны им на предварительном следствии и которые здесь были подтверждены. Они подтверждаются и Гусевым. Гусевские показания не вызывают никакого сомнения, ибо они опираются в свою очередь не только на показания Макдональда и других, но также и на тот об'ективный материал, который служит одним из основных доказательств по отношению к Соколову. Этот материал говорит о том, что по заданию Гусева и непосредственно под гусевским руководством Соколов принимал участие и проводил лично целый ряд вредительских актов, ведущих за собой аварии, в частности, выполнил задание Гусева о порче мотора в 1.400 лошадиных сил, что повлекло ряд аварий. Он вредил, выводя из строя турбогенератор, он бил по котлам, задерживал ремонт и передачу углеподачи и т. д. и т. п. Он собирал, начиная с середины июля 32 года, и передавал сведения о шестидневной прокатке болванок на крупносортном стане, с указанием количества идущих, как мы уже говорили, в числе других заготовок и снарядных заготовок. Нужно, товарищи судьи, иметь в виду, что производительность этого стана—ведущего стана прокатки—определяет, в сущности говоря, производительность всего прокатного цеха и, следовательно, достаточно иметь эти элементы для того, чтобы составить себе полное представление по тому вопросу, который особенно интересует военных разведчиков, работающих в направлении, враждебном нашему Советскому государству.

Соколов и Гусев—старые друзья и по колчаковской армии, оба добровольцы белой армии. Они перестали там служить только тогда, когда уподобились крысам, спасающимся с тонущего корабля, когда все карты колчаковских генералов были биты, когда вместе с тем были биты карты и кое-каких иностранных генералов, поддерживающих Колчака, когда эти «храбрые воины» пустились во все лопатки куда-то в лес. Из леса они пришли к нам, на наши предприятия, но, придя из леса, они, как волки, продолжают в лес глядеть.

И третья фигура златоустовской вредительской группы — Макдональд, монтажный инженер. Приехал он на Златоустовскую электростанцию в конце 29 года. Несколько лет гостеприимно принимала его наша страна, и он «хорошо» отплатил за это гостеприимство.

Он работал на Златоустовской электростанции до апреля 31 года, вошел во вредительскую контрреволюционную связь с Гусевым, Соколовым, с Котляревским на Зуевке, участвовал в той работе, которую я характеризовал в отношении Гусева и Соколова, был схвачен за руку, был пойман в буквальном смысле этого слова с поличным, вынужден был признать себя виновным. Он признался и дал об'яснения не только о себе, но и о других соучастниках из своих сограждан. «В 1929 году, говорит Макдональд, я был летом на даче у Торнтона, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Я вчера говорил, что, конечно, экономические и политические сведения —экономическим и политическим сведениям рознь. Мы не строим своего обвинения в шпионаже по этой линии на том, что здесь Торнтоном было названо «обывательскими» сведениями. Мы так не строим нашего обвинения, но я дальше постараюсь доказать, что те сведения, которые здесь в момент своего полупризнания Макдональд пытался прикрыть этим безобидным термином—«политические и экономические», да еще —«нужные для нашей фирмы». Я постараюсь доказать, что это вовсе не те «безобидные» сведения, которые бывают нужны, могут быть, конечно, нужны какой бы то ни было фирме, имеющей дело с нами на территории нашей страны, а что эти сведения совершенно определенного характера, именно те сведения, которые составляют содержание военной государственной тайны, получение, собирание и передача которых являются прямым содержанием того, что понимает под шпионажем статья 58-6 Уголовного Кодекса РСФСР, соответствующие статьи нашего Уголовного Кодекса, что именно эти сведения, а не какие-либо другие «безобидные», «обывательские» сведения, получал Торнтон от Макдональда, Макдональд—от Гусева, Гусев—от Соколова—по этой своеобразной цепочке, в конце концов замыкающейся во всей сумме тяжких улик. Я не буду касаться отношений между этими господами и фирмой, я их не знаю, не хочу знать, я их не касаюсь, не хочу касаться, но для всех ясно и понятно, что не в коммерческих, не в деловых интересах фирмы собирались эти сведения, а именно в тех интересах, о которых сам нам рассказал, хотя потом и спохватился, что он проболтался, Торнтон при его допросе 13 марта. Но вернемся к Макдональду.

Макдональд говорит: «Когда я возвратился в Ленинград, то я стал собирать здесь сведения и, помимо сведений о настроениях и бытовых условиях рабочих, я стал собирать и специальные сведения, а именно: сведения о работе военного завода «Большевик», сведения о производстве моторов для аэропланов, а также о производстве орудий». И Макдональд указывает конкретно, кто эти сведения ему давал— Хрущов, Самарин, Редькин, т.-е. те лица, которые были привлечены по другому делу о шпионаже, схвачены и осуждены.

Ну, говорил здесь Торнтон, как же можно было не знать об этих моторах для аэропланов, когда шум при их испытании был слышен по всей околотке, когда все слышали шум от этих испытаний? Как же можно было не знать об этих пушках, когда при стрельбе дрожали окна во всей округе? Стреляют пушки—дрожат окна, все об этом знают. Но позвольте, если это так, как говорит Торнтон, что все об этом знают, так зачем ему нужно было прибегать к помощи Макдональда, платить ему за это деньги? Тогда он должен был бы ему сказать: «Ты что же несешь чепуху, все об этом знают, за что я тебе буду деньги платить?»

Вы—бизнесмен, вы — деловой человек, вы—практический человек, за это платили деньги, платили деньги за то, что он вам говорил о том, как шумят моторы, как стреляют пушки? За это вы платили деньги и такого рода сведения вы получали от Макдональда? Чепуха, детские разговоры! Наконец, Макдональд имеет какое-нибудь основание вас оговаривать? Макдональд, с которым вы были всегда в хороших отношениях, Макдональд, который никогда не вызывал у вас никакого к себе недоверия, который был вам к тому же подчинен, который зависел от вас, а не вы от него,—какое основание Макдональду оговаривать Торнтона и одновременно оговаривать самого себя? Нужно сказать, что сам Макдональд пришел к необходимости дать эти показания, потому что Гусев уже сказал, потому что Соколов уже сказал, потому что и Кутузова сказала, наконец, и сам Торнтон сказал. И здесь нужно припомнить ту унизительную сценку, которая разыгралась при неудачной попытке, хотя и в высокой степени беспорядочном виде, но все-таки отступить с раз занятой позиции. Макдональд говорил о том, что он сказал так потому, что ему показали показания Торнтона. А Торнтон оказывается показал так потому, что ему показали показания Макдональда— под влиянием показаний Макдональда. В конце концов нельзя было понять, кто же на кого повлиял, кто же говорил под влиянием чьих показаний? Один сваливал на другого — оба запутались.

Итак, Макдональд говорит о себе и говорит о Торнтоне. Говорит совершенно определенно, совершенно категорично, говорит не вообще, бросая тень на Торнтона, бросая тень на себя своей шпионской деятельностью, а указывая конкретных людей, конкретные предметы, конкретные обстоятельства. Ведь Макдональд получал сведения очень осторожно. Вы помните, как мы здесь установили методы сообщения этих сведений Гусевым? Гусев не пишет: производится столько-то снарядов, а пишет Макдональду дружеское, любовное письмо: у нас производится такое-то количество «консервов». Пишет это не обычным путем, а прибегая к вестовщице и посыльному, очень десятистепенной, но все-таки привлеченной к этому делу Марии Федоровны Рябовой, о которой дело доследуется. Макдональд через Рябову, которой имеет особые основания доверять, получает письма от Гусева, который, видя оказываемое Макдональдом доверие Рябовой, сам проникается доверием к этому контрреволюционному почтальону. Но пишет все таки иносказательно: не снаряды, а консервы.

А люди, которые связаны с ним, фигурируют не под своими именами, а под вымышленными именами. Один именуется «деревом», второй—«слесарем», третий — именами, которые существуют вообще в природе,—Василий, Иван, но которые не принадлежат этому человеку. И пользуются вымышленными адресами. Один посылает посылку с письмом, содержащим секретные данные от вымышленного лица, из вымышленного дома на вымышленной улице. Эта улица конечно существует, дом также существует, но они взяты случайно, именно с «бухты-барахты», взяты для того, чтобы отвести глаза, замазать и проч.

Подписывается Гусев не Гусевым. В одном случае он подписывается Утиным, в другом случае он подписывается Мочаловым. Это то, что он сказал. А, конечно, товарищи судьи, нужно же иметь ввиду, что в этих делах мы не можем не учитывать того обстоятельства, что это все делается конспиративно, делается осторожно, что документы сжигаются, что документы уничтожаются, что по возможности документы даже не составляются, а составленные увозятся в иных случаях туда, куда увез свои 9 секретных дневников Торнтон— в город на Темзе—в Лондон. Там безопаснее.

Мы спрашивали Макдональда: вы получали письма от Гусева?—Получал. Как они подписывались? Утиным?—Утиным. Эти письма вы как, хранили?—Нет, говорит, я их бросал в печку, сжигал. Сжигали?—И дальше Макдональд ведет все-таки хитрую политику здесь на суде. Он признает себя виновным, да не так уж откровенно, как он это должен был бы сделать, если бы хотел, чтобы мы поверили, что то, что он сказал—это все то, что он сделал. Пойманный с поличным, схваченный за руку, поставленный перед неопровержимыми доказательствами, которые поражают Макдональда, он все-таки умно и хитро повел свою защиту, стараясь, где возможно и от чего возможно, уйти, и с самого начала говорил и признавал только то, что не признать не имел никакой возможности. Конечно, может быть, действительно, с этой углеподачей, по поводу которой произошли некоторые разногласия, он и не давал Соколову прямых указаний. Оставим эту углеподачу на том кусочке совести, который может быть у Макдональда сохранился. Дело не в углеподаче, а в том, что Макдональд опытный разведчик, и я бы не сказал, что он менее умен, чем другие его партнеры по скамье подсудимых, а даже определенно сказал бы, что в некоторых случаях он мне кажется гораздо умнее.

Ведь когда мы установили здесь, что письма Гусева он сжигал, Макдональд попытался вильнуть в сторону—и что он сказал? Я, говорит, вообще письма свои сжигаю. Но я спросил вторично—а еще от кого получали письма кроме Гусева?—Он говорит—ни от кого. Значит, можно сделать вывод, который мы и сделали, что письма от Гусева он всегда сжигал. Сжигают письма, конечно, не для того, чтобы их кто-нибудь нашел и при всем искусстве следственных органов нельзя было выявить и восстановить сожженные когда-то письма. Макдональд умеет пользоваться, как и мелкие другие, и патефон и легкие мелкие услуги. Кстати, нужно сказать о методах, которые широко проходят по всем обвиняемым и в частности английского подданства.

Используются все возможности. Кушин сближается с слесарями, приходит к ним в дом, устраивает вечеринки. Лебедев с Эллиотом встречается где-то, у какой-то дамы, которая организует такие пти-суарэ. И оказывается, это я потом попрошу суд отнести на счет Кушина, «между прочим» ведутся разговоры о Красной армии, как, например, с Емельяновым, о снаряжении Красной армии и т. д. и т. п. А Эллиот ведет разговоры с какими-то Болдиными, а Лебедев слышит соответствующим ухом, что идет речь о работах военного отдела Ивановского механического завода, которые Эллиот берет себе на заметочку, а Торнтон говорит: «Получал сведения от Эллиота».

Таким образом, мы видим, как Макдональд, как Торнтон (о нем более подробно дальше) ведут определенную военно-шпионскую работу, собирают военные сведения.

В 1930 году,—говорит Макдональд,—перед моим от'ездом в Златоуст, Торнтон имел со мной второй разговор, когда просил меня собрать для него сведения о военных производствах Златоустовского завода, а также о состоянии энергоснабжения этих заводов. Он говорил в несколько завуалированной форме,—показывает Макдональд,— т.-е. в порядке не прямого приказа, давая задание организовать в Златоусте аварию для создания перебоев в работе заводов. Он мне сказал, что, если понадобятся деньги, то за этим дело не станет. Он может их у него получить.

Вот три основных момента — военный шпионаж, организация аварий, подкуп, деньги, взятки, три момента, три основных звена той цепи, которая замыкает ответственность и виновность Макдональда и других, о которых я буду говорить дальше.

Выполнил ли Макдональд поручения, которые получил от своего начальника, хотя и не в форме прямого приказа, от Торнтона? Да, надо признать, что выполнил. Он сказал Гусеву, что надо произвести порчу оборудования, и порча была произведена. А зачем это нужно было делать, почему это нужно было делать? Для того, чтобы сорвать работу заводов, вызвать простои этих заводов, в том числе и тех, которые работают на оборону, на нашу Красную армию. Получив деньги, деньги передал, деньги распределил. От этих фактов никуда не уйдешь и никак не уйдешь. «Котляревскому, Васильеву, Фомину на Зуевке за их вредительскую деятельность я передал около 2.000 рублей. Деньги давал отдельно. Котляревскому дал около тысячи рублей. Котляревский дал сведения, указанные в предыдущем показании». Вот показания Макдональда. Добавляю: последнее показание Макдональда уже в Прокуратуре Республики о том, что в июне или июле 1932 года была организована авария 3-го генератора. «Она произошла вследствие введения болта в междужелезное пространство, была сделана по моему заданию или Фомичевым или Котляревским». Вот второе показание Котляревского. Мы спросили Котляревского об этом, и он ответил: «Да, это сделал я; положил болт, вызвал аварию». Круг улик замкнулся. Макдональд пойман, схвачен с поличным. Макдональд умнее других, которые, будучи пойманными и схваченными, пытаются делать вид, что они не виновны, и делают это больше для того, чтобы реабилитировать себя в глазах своих нелегальных начальников. Макдональд искреннее и смелее других: прижатый к стене нашими доказательствами, он сознается в том, что достаточно ясно и четко сформулировано в обвинительных пунктах, пред'являемых подсудимому Макдональду.

Я должен перейти сейчас к Ивановской электростанции, но перед этим я хотел бы только еще раз остановиться на одном сравнительно небольшом, но в высокой степени характерном штрихе, относящемся непосредственно к деятельности Макдональда и, в известной степени, к деятельности Монкгауза. Я имею ввиду факт приезда Гусева в Зуевку и сообщение Макдональду, находившемуся тогда в Зуевке, о том, что он считает свое положение довольно опасным вследствие того, что ОГПУ напало на след вредительской работы. Он высказал Макдональду это опасение в достаточно тревожной форме, но Макдональд его успокоил, сказав, что, если что стрясется, то он может всегда получить помощь по тому адресу, который был Гусеву сообщен. Этот адрес был адресом Монкгауза. Этот адрес значился в той записке, которую из Зуевки Макдональд передал Гусеву на всякий случай, на случай провала, перед опасностью которого, как Гусев чувствовал тогда, он в это время уже стоял.

И второй эпизод, который касается встречи Гусева с Макдональдом и с Торнтоном в Харькове, встречи, которая явилась результатом прямого вызова Макдональдом Гусева, сопровождалась обменом различного рода соображениями по поводу вредительской шпионской работы и которая должна считаться совершенно установленной как показаниями Гусева, показаниями Макдональда, так и показаниями самого Торнтона, который впрочем по принятой им тактике своей защиты отрицал здесь, однако, преступный характер беседы, имевшей там место.

Вот этими двумя эпизодами я бы хотел закончить анализ тех эпизодов, которые касаются непосредственно трех лиц, о которых я говорил,—Гусева, Соколова, Макдональда. Перехожу непосредственно к преступной деятельности подсудимых по Ивановской электростанции.

Я хотел бы начать с Нордволла. Какие мы имеем основания пред'являть и поддерживать во всем об'еме обвинительного заключения обвинения против Нордволла? Этих данных, я считаю, у нас имеется более, чем достаточно.

Нордволл в 1931—32 гг. работал на Ивгрэсе в качестве монтажного инженера фирмы «Метро-Виккерс». Он здесь сошелся с группой местных вредителей, в первую очередь с Лобановым, и повел вредительскую работу, давая задания группе инженеров и техников Ивгрэса — Лобанову и др.—совершать вредительские диверсионные акты, направленные к порче оборудования, к созданию аварий, которые по его поручению и выполнялись этими лицами, а также скрывать дефекты в оборудовании, что и выполнялось Лобановым, Лебедевым и другими. За это он, Нордволл, систематически выплачивал через того же Лобанова взятки, в общей сложности составившие сумму в 5 тыс. рублей.

Мы имеем против Нордволла раньше всего показания Лобанова, который нам и здесь рассказывал, и говорил об этом на предварительном следствии, что он неоднократно беседовал с Нордволлом, выражая свое недовольство советским строем, нашими порядками, своим материальным положением, высказывая различного рода,— как это подтвердил сам Нордволл, — антисоветские суждения. На почве именно этих отношений он настолько сблизился с Нордволлом, что тот и избрал его одним из своих соучастников. Впрочем, об'ективно говоря, трудно сказать, кто кого избрал своим соучастником — Нордволл ли Лобанова, Лобанов ли Нордволла, и это, между прочим, черта, которая характеризует известные трудности настоящего процесса и по отношению к ряду других подсудимых.

В самом деле, каждый из подсудимых, являющийся служащим одного из наших советских государственных учреждений,—здесь сам это признавал, а факты, которые имеются у нас в руках, это подтвердили,—уже в течение ряда лет зарекомендовал себя, и свои антисоветские настроения, и свои антисоветские действия. В этих условиях едва ли правильно было бы установить такой переплет отношений, между Лобановым и Нордволлом, что сам Лобанов, этот тип прожженного вредителя, сделался вредителем под влиянием Нордволла. Я бы не хотел поддерживать эту версию. Я не думаю, чтобы Нордволл соблазнил одного из малых сих—Лобанова, отнюдь не малого из сих. Я имею все основания полагать, и я постараюсь это далее подтвердить рядом улик, что Нордволл был соучастником Лобанова, что Нордволл использовал вредительскую группу, которая была на Ивгрэсе, в контрреволюционных целях и интересах, что они были в контакте и проводили ту вредительскую деятельность, за которую он платил деньги, ассигнованные на эту вредительскую работу, по соответствующим линиям, какими были связаны Нордволл с Торнтоном.

Итак, мы имеем раньше всего категорические показания Лобанова, которые подтверждены Нордволлом в той части, касающейся содержания тех бесед и разговоров, которые между Нордволлом и Лобановым имели место. И если Нордволл говорит здесь о том, что, встречая антисоветские взгляды Лобанова, он не поддерживал эти настроения, а, наоборот, пытался их изменить и чуть ли не возвратить Лобанова на путь праведника, то это уже действительно получается довольно забавно, потому что если бы Нордволл действительно был тем без пяти минут большевиком, каким его охарактеризовал Олейник, вообще отличающийся в известной степени болезнью несдержания слова или блудословием, то ведь Нордволл должен был бы совершенно иначе реагировать на те разговоры, на те взгляды, на те суждения, которые он слышал от Лобанова.

Между тем эти антисоветские взгляды, о которых здесь говорит сам Нордволл, не только не мешали его сближению с Лобановым, но они не вызывали, очевидно, никакой реакции, если оставить совершенно неправдоподобную версию о реагировании на словах, о чем говорил здесь нам Нордволл.

Больше того, Нордволл принимает определенное участие, если хотите, и в облегчении материальных трудностей Лобанова. Эпизод с шубой не такой простенький эпизод, как это может казаться кое-кому, кто склонен сенсационно возвещать миру о том, что все обвинения Нордволла построены на шубе. Шуба — это одна из улик, и далеко, конечно, не единственная. Лобанов изобличает Нордволла в том, что он с ним вместе осуществлял вредительскую деятельность, давая ему определенные поручения, оплачивая эти поручения и обещая, что в обиде вредители не останутся.

Больше того, Лобанов показывает нам, что Нордволл при этом обращал внимание на то, чтобы портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если портить оборудование, входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то порча оборудования должна быть произведена так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

Это находит свое полное подтверждение в той позиции, которую занимали по ряду вопросов, связанных с ответственностью их самих и их фирмы, некоторые подсудимые по настоящему делу,—тот же Монкгауз, когда он сам подробно перечислял нам здесь ряд дефектов, которые имелись у этих турбин. Он хотел изобразить дело таким образом, что все-таки он как уполномоченный этой фирмы, да и сама фирма, не несут за это, однако, никакой ответственности, что все это выходит совершенно естественно, что если он продает или если при его участии монтируется проданное его фирмой оборудование, которое он, по его собственным словам, никогда бы не купил, будь он служащим Наркомтяжпрома, то это, естественно, потому, что виновата-де в непригодности этого оборудования система оборудования, марка оборудования, тип оборудования. То, что здесь сказал Лобанов, совершенно соответствует той обстановке, на почве которой действительно разрабатывалась эта вредительская работа: лучше, по возможности, ударить по оборудованию, поставленному другой фирмой, а если ударить по своему, то тогда, когда можно занять такую позицию, которую и занял Нордволл в известном случае, когда он говорит, что это его не касается и поэтому он может формально по этому вопросу стоять в стороне.

Вот почему эта версия Лобанова не противоречит действительному положению вещей, общей тактике и поведению подсудимого, когда он пытался совместить свою деятельность, как представителя и служащего фирмы «Метро-Виккерс», с другой деятельностью, как вредителя, разведчика, работая по военному шпионажу. Эта версия не противоречит, а как раз изобличает то, что это было естественно и что именно разговоры, указания, такие преступные директивы не только могли исходить, но и на самом деле исходили от Нордволла, что это вполне правдоподобно.

Нордволл платит деньги. Он это отрицает. Что же он не отрицает? Он не отрицает такого факта, как передача шубы Лобанову, якобы приобретенной Лобановым от знакомого и Лобанова и Нордволла—некоего Тайлора. Но позвольте остановиться на одном вопросе: почему Нордволл взял на себя задачу быть посредником в этой сделке? От большого избытка времени, или от желания помочь этому антисоветски настроенному и антисоветски действующему Лобанову? Может быть, конечно, и третья версия: не из желания помочь Лобанову, а из желания оказать услугу своему соотечественнику Тайлору. Нордволлу было безразлично, будет ли греться в этой шубе Лобанов или другой, но поскольку Тайлор пожелал ее продать, он берет на себя миссию посредника и организует эту продажу. Очевидно, этой версии может держаться и защита.

Но ведь надо будет вскрыть еще один небольшой факт. Шуба-то эта была получена фактически Лобановым не сразу. Эту шубу Лобанов получил через некоторое время в Москве, и получил через некоего Воронина. А кто был Воронин? Воронин был переводчиком на Ивгрэсе. Следовательно, у Тайлора была возможность роль переводчика возложить не на Нордволла, а на Воронина, который был там переводчиком и привез эту шубу Лобанову, когда Лобанов находился не на Ивгрэсе, а в Москве.

Если впервые, когда спрашивали Нордволла, зачем он вмешался в эту историю с шубой, он ответил: потому, что Тайлор не знал английского языка, то теперь мы знаем, что здесь имелся переводчик, который впоследствии принял участие в этой операции. Зачем же вмешался Нордволл, если дело с шубой обстояло так просто? Это первый вопрос, который не может не служить косвенной уликой, подтверждающей версию Лобанова, что он эту шубу получил как подарок в дополнение к тем 5 тысячам рублей, которые он получил от Нордволла из секретных сумм, ассигнуемых соответствующим учреждениям на соответствующую преступную деятельность на территории нашей страны. Когда спросили Нордволла по поводу этой шубы, то он дал несколько об'яснений, пытаясь и на предварительном следствии замести следы, обмануть, уйти от фактов. Сначала он заявил, что он сам получил от Лобанова 400 рублей и передал в тот же день их на другой Тайлору. Это записано в протоколе, мы это хорошо помним. Он твердо, настойчиво, без колебаний указывал на то, что он хорошо помнит, что эти 400 рублей получил. И мы спрашивали: вы подсчитали эти деньги или так прямо сунули в карман? Он говорит: прямо так, не подсчитал.—А потом прямо так и отдали Тайлору? Не подсчитали?—Да, я так отдал. Нет, виноват, это было иначе. Ведь это было так, что мы провели через бухгалтерию нашей же конторы.

Вот к чему сводится его об'яснение, которое записано при допросе в прокуратуре республики. Через бухгалтерию конторы провели путем списания 400 рубл. со счета Нордволла на счет Тайлора. Сначала он говорит, что получил эти деньги, но если получил, нужно было подсчитать: а может быть он надул его да еще Лобанов. Он тем не менее не считает этих денег. Передает. А пойманный, он говорит: нет, я передал через бухгалтерию путем перечисления; в книгах конторы есть отражение.

Что же дальше? Дальше вместе с Нордволлом едет в контору следователь, осматривает вместе с ним бухгалтерские книги и устанавливает, что никаких решительно сумм, перечисленных на чей-либо счет, или Тайлора или на счет Нордволла, не существует в природе. В тех документах, где говорится, что осмотрена вся книга личных счетов, не было установлено нами ни одного признака, который подтверждал бы эту вторую версию Нордволла. Тогда Нордволл мечется. Появляется телеграмма, которую он посылает в Лондон: «Прошу подтвердить, что мною была переведена в тот период времени, о котором идет речь, сумма для уплаты Тайлору». И получается ответ на телеграмму: «Да, сумма в 500 рубл. была переведена».

Когда спрашивали Нордволла «за сколько?», он говорит—за 400, а не 500, а теперь говорит 500, т.-е. подгоняет свои об'яснения под ту телеграмму, которая не подтверждает его первоначальной версии. И что же получается? Получается так: то шуба была куплена, то получены деньги, но не переданы, то переданы, но не записаны, то проведены через Лондон. Чепуха, гр-н Нордволл, не выходит это дело! И вдруг выползают эти 500 рубл., которые впервые названы здесь, которые ни разу не были названы на предварительном следствии в соответствующих документах Нордволлом. Понятно, почему. Потому, что Нордволл никогда не ожидал тех следственных действий, которые явились ответом на его запирательство и которые в ту же минуту были разоблачены в полном об'еме. Вот почему мы говорим о том, что Нордволлу от этой шубы не уйти и придется эту шубу ему сейчас надеть на себя.

Шуба принадлежит по существу вам или тем учреждениям, от лица которых и по поручениям которых вы действовали. Это для нас совершенно несомненно.

Нам могут сказать, что все-таки это очень отдаленные, косвенные улики. Нам могут сказать, что это все-таки частный случай, что это даже мелочь вроде той трубки, которую Нордволл любезно, хотя и за пятерку, а все-таки продал тому же Лобанову, этому антисоветскому человеку, с которым он дискутирует по поводу его антисоветских настроений. Это умилительная картина, достойная богов, когда «без пяти минут большевик» дарит трубку антисоветскому человеку, который посвящает его в свои контрреволюционные замыслы и настроения. Но очень часто на мелочах и вскрывается большое. Очень часто эти мелочи играют роль таких улик, которые ведут по следам и приводят в конце концов к раскрытию преступления во всем об'еме. И именно в этом заключается значение тех косвенных улик, которые всегда сами по себе, отдельно взятые, могут казаться имеющими второстепенное значение.

Маленькая черточка—трубка, маленькая черточка — шуба, маленькая черточка — 400 рублей, маленькая черточка—4 ошибки, систематически повторенные одна за другой Нордволлом, изобличают его в упорном желании во что бы то ни стало снять эту шубу со своей вешалки. Это не выходит. И именно в свете этих маленьких бытовых штрихов, на этом фоне показания Лобанова приобретают для обвинения доказательное значение.

Мы имеем показания не только Лобанова, мы имеем показания столь авторитетного в этих вопросах свидетеля против Нордволла, каким является обвиняемый Торнтон, мы имеем его шпионскую сетку, где в числе 12 выделенных им из 27 агентов разведки значится Нордволл, как агент, который занимался собиранием сведений экономического и политического шпионажа, сведений об оборонительных и наступательных возможностях нашей Красной армии, нашего государства. Нордволл не одиноко стоит перед уликами, его подпирают здесь, с одной стороны, Лобанов, с другой стороны — Торнтон, и нужно, конечно, признать чем-то сверхестественным совпадение таких обстоятельств, как матерой разведчик Торнтон, проболтавшийся, расшифровавший свою сеть и в этом отношении конченный и для разведки человек и, с другой стороны, нечистоплотные показания Лобанова, который как мне, так и многим, может быть, кажется не особенно чистоплотной личностью. Но ведь нужно иметь в виду, что с чистоплотными людьми эти господа не могли бы обделывать свои нечистоплотные дела. С чистоплотными людьми они бы погибли. Когда они встречались с чистоплотными людьми, то эти чистоплотные люди давали им отпор, такой отпор, какой они получили, например, от чистоплотного человека, свидетеля Долгова, который получил 3 тыс. руб., данные ему в виде взятки Торнтоном, принес их в ОГПУ, раскрыл эту взятку, пришел на гласный суд и здесь в лицо бросил им это обвинение. И они не посмели набросить на него какую-нибудь тень, а создали такую версию о том, что этому Долгову нужна была квартира, они пожалели его, пошли навстречу, хотели устроить квартиру. Потом оказалось, что о квартире не спрашивали, оказалось, что об этих 3 тыс. никто никогда не спрашивал, потом оказалось, что нужно было ждать специального приезда Ричардса, чтобы оформить эту сумму, а до этого они провели эту сумму в виде «переходящей суммы».

Нам скажут: вы опираетесь на показания Лобанова, но Лобанов нечистоплотный тип. Скажите, какие чистоплотные люди, они имели дело с чистоплотными людьми! Конечно, вы всасывали в сферу своего преступного влияния только нечистоплотных людей, только тех, на каких вы могли ставить ставку с точки зрения их продажности, с точки зрения их подлости или с точки зрения их идейных контрреволюционных убеждений — для нас здесь разницы нет. Поэтому довод, что нельзя опираться на такие показания, как показания Лобанова, не производит впечатления. Этот довод должен быть отвергнут. Мы не имеем права с точки зрения логики судебного процесса, мы не имеем права с точки зрения логики доказательств отбросить показания Лобанова только потому, что Лобанов нам несимпатичен с точки зрения своей моральной неустойчивости.

Лобанов. Я о нем уже сказал. Конечно, это разложившийся тип, это тип и вредителя, и шпиона второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности того класса, представителем которого он является, класса морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец—заводчик, брат — арендатор мельницы, — вот его родословная, которая определяет его моральные точки, его точки моральной опоры. Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль, — она воплотилась и в Лобанове. Но Лобанов именно в силу этих свойств был особенно подходящим материалом для работы в контрреволюционном вредительском направлении, тем более, что это полностью совпадало с его собственными взглядами и стремлениями. Тут имеются налицо факты, говорящие сами за себя, имеются показания, свидетельствующие о том, что Лобанов и шпион и вредитель.

Лобанов так о себе и говорит: «Я систематически выводил из строя моторы цепных решеток котлов путем перелома кабелей передачи мотора. Делал это вместе с Лебедевым». Лебедев в этом смысле более положительный тип, если можно так сказать, с большими моральными качествами, чем Лобанов. Вероятно, это об'ясняется именно тем, что Лебедев является представителем иного социального слоя, чем этот сын заводчика и брат арендатора мельницы—Лобанов.

Лебедев это подтвердил: «Умышленно были засорены подшипники мотора питательного насоса котлов песком». Далее он говорит: «Неоднократно выключались фидера собственных нужд... под видом ложных выключений максимальных реле».

Это делал Лобанов с Угрюмовым. В деле есть показание Угрюмова, где он подтверждает это заявление.

В начале марта выводится из строя мотор дымососа котла № 5, о чем я уже упоминал в начале своей речи. Это опять-таки осуществляется при помощи Угрюмова,—он об этом сам говорит в своих показаниях. Умышленно, вместе с Лобановым, была оставлена не отремонтированной крышка контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы попало постороннее тело и создало короткое замыкание в муфте. Это сделал Лебедев, в этом принимал участие Лобанов, это подтверждается материалами предварительного следствия, и все это было совершено по тому плану, который был намечен Нордволлом.

Вот данные, которые позволяют говорить о том, что не может быть никакого сомнения относительно участия вредительской группы в исполнении этих вредительских операций Лобановым, в соучастии с Лебедевым, в соучастии с Нордволлом, который передавал деньги— раз 3.000 руб., другой раз 2.000 руб., которые распределялись Лобановым между всеми соучастниками. Это также подтверждено Лебедевым. Кроме того, этих соучастников всячески задабривали разного рода дружескими отношениями, дружескими услугами и подарками, деньгами, шубой и пр. и т. п.

Вот почему в отношении Лобанова мы поддерживаем обвинение во всем том об'еме, который определен обвинительным заключением.

Лебедев—бывший старший унтер-офицер. Это интересная черта. Разведчики ищут себе соучастников по линии бывших офицеров и унтер-офицеров. Олейник здесь показывал, что Торнтон давал ему указания подбирать людей из военных, которые пригодились бы в случае военной опасности, в случае начала войны, которой нам грозят все время еще с первого момента нашего существования. Торнтон подтвердил, что он действительно говорил с Олейником относительно подбора людей. Но он это якобы говорил в другом смысле—опять в «обывательском», как в «обывательском» смысле говорил и о снарядах: подбирать людей для замены английского персонала своим русским техническим персоналом. Но в то же время этого самого Торнтона очень интересует вопрос, не офицер ли Зорин, ибо к офицерам у этого унтер-офицера месопотамской армии особенно лежит душа.

Лебедев обвиняется в том, что он совместно с Лобановым принимал участие в этих вредительских действиях. Кто же играл руководящую роль по отношению к Лебедеву и к Лобанову? Лебедев ставил себе те же самые контрреволюционные цели, которые заключались в подрыве мощи нашей советской промышленности и нашего советского государства. Это Лебедев осуществлял путем участия в организации систематических аварий, порчи оборудования, получая за свою вредительскую диверсионную работу деньги, взятки. Он сам говорит: получил 900 рублей. Других данных у нас нет. Специальной бухгалтерии, конечно, они не вели. Мы, впрочем, установили, что в отдельных случаях ее кое-кто вел, например, Торнтон. Но Торнтон сумел заблаговременно убрать свои дневники, о которых нам говорила здесь Кутузова, в Лондон, и, следовательно, сумел спрятать концы в воду.

Лебедев подтвердил все приведенные против него обвинительные данные, об'явив, что ближайшей целью этой контрреволюционной группы являлась дезор-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 5-й СТР.

Окончание речи тов. А. Я. Вышинского.

[illegible] работы Ипгреса путем сознательной порчи оборудования, путем вывода из строя агрегатов, вызова аварий, создания перебоев на станций в целях сокращения электроподачи, а если окажется возможным, то и в целях полного прекращения подачи электроэнергии заводам, питающимся энергией от Ипгреса.

Здесь надо сказать о **Зиверте.** Я не хочу на нем останавливаться особенно детально потому, что инкриминируемые ему преступления являются очень мелкими. Он не предохранил от пыли во время обточки агрегат, на котором работал. Он получал небольшие суммы от Торитона. Мне кажется, что то, о чем он нам здесь рассказывал, очевидно, так и было, потому что мы не имеем оснований подвергать сомнению его показания. В своей последующей работе он в известной степени уже загладил преступление. Он, конечно, виноват в тех преступлениях, о которых мы говорим. Но о нем, вы, товарищи судьи, будете иметь возможность в совещательной комнате поставить вопрос о том, не надлежит ли считать возможную для него меру репрессии покрытой предварительным заключением и его последующей честной работой на Днепрогэсе.

О **Сухоручкине.** Сухоручкина мы здесь допросили очень подробно. Я едва ли ошибусь, высказав убеждение в том, что Сухоручкин является одной из основных и важных фигур этого процесса, этой скамьи подсудимых. К Сухоручкину нельзя подходить с такими требованиями, как к Зиверту или Лебедеву. Его общий культурный уровень, его положение на той станции, где он занимал ответственный пост заведующего электротехническим отделом, начальника Эксплоатационного отдела 1-й Московской Городской электрической станции,—все это говорит о том, что к этому участнику контрреволюционной группы, действовавшему по заданиям инженера Торитона, выводившему из строя агрегаты, мы должны пред'явить наиболее строгие требования.

На 1-й Московской ГЭС Сухоручкин проводит ряд вредительских мероприятий. Он скрывает дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, тогда как он по своей должности обязан был бы разоблачать эти дефекты и давать достаточные основания для немедленного и срочного исправления этих дефектов, не доводя до того, чтобы в силу этих дефектов могли быть какие-нибудь аварийные последствия. Он скрывает дефекты монтажа этого оборудования, и именно эти его действия приводят эту важнейшую электростанцию к такому положению, при котором мы наблюдаем систематические аварии, уменьшающие работоспособность этой станции, повышающие стоимость эксплоатации и, в частности и главным образом, в отношении оборудования, поставляемого из-за границы, и приводящие тем самым к потере рекламационных сумм. Все это нужно иметь в виду при оценке роли Сухоручкина в этом деле и степени его ответственности.

Одновременно он осуществляет диверсионную работу, являющуюся тягчайшим преступлением. Сухоручкин здесь назвал 6 случаев. Это случай с железной полкой, когда он лично осуществил соединение свинцовой оболочки однофазного кабеля генератора № 26—27 с этой железной полкой. Он рассказывал здесь о том, как он сознательно не проверил состояние оборудования, при чем при испытании оказались незалитыми два бака переключателя, что и привело к аварии.

Он назвал третий случай, когда он намеренно загибал устройство вентиляции в подвале 4-го шита, что должно было, по его плану, привести к ненормальному перегреву кабелей и их повреждению.

Он говорил здесь относительно сознательного вызова затруднений в системе водоприготовления станции, что привело к аварийному выводу из строя турбин №№ 22, 24, к необходимости их ремонта, что в свою очередь не могло не привести к снижению мощности и нарушению правильной производственной деятельности этих турбин.

Он говорил о том, как на бойлерной установке были сознательно созданы затруднения с теплофикацией новых присоединений тепловых потребителей, которые выражались в снижении температур в самое холодное время зимы и в снижении подачи воды.

Сухоручкин этими случаями не исчерпал всей своей вредительской деятельности, всех случаев, которые имели характер некоей репетиции на случай войны, когда намечался вывод из строя и распределительного устройства, того самого устройства в 6.600 вольт, о котором я говорил и которое имело особое государственное и военно-государственное значение. Это то самое распределительное устройство, которое дважды посетил Торитон, хотя и с разрешения. Но важно отметить то, что разрешение это было ему выдано при помощи Сухоручкина тем самым Рязановым, который впоследствии был изобличен во вредительстве и осужден.

Крупный вредитель Сухоручкин, крупный аварийщик, дезорганизатор нашего хозяйства, убежденный и сознательный враг советской власти, он должен получить от Верховного суда в судебном приговоре соответствующую и заслуженную оценку.

Крашенинников—начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции. Начал с сокрытия дефектов оборудования. Скрыл дефекты рабочих лопаток роторов турбин № 26 и № 27, скрыл дефект регулирующих клапанов турбин, скрыл дефект конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины № 27, что привело 10 мая 1931 года к остановке этой турбины, скрыл дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 года привело к отрыву этого штока и к снижению нагрузки на турбине № 26 на 5.000 киловатт, скрыл дефективную пайку трубки маслопровода, что привело 9 декабря к разрыву трубки и остановке турбины, и т. д. С первого взгляда кажется, что не особенно велика беда—скрыл какие-то дефекты. Этот самый Крашенинников связан с Олейником и через Олейника с Торитоном. Опять цепочка, ведущая к Торитону. Этот самый Крашенинников получает деньги через того же самого Олейника и из того же самого торитоновского источника.

Зорин. Здесь прямая связь Зорина с Торитоном. Зорин здесь нам называл пять встреч с Торитоном, и как раз по поводу этих встреч я уже высказывал свои соображения. Эти 5 встреч убеждают в том, как постепенно развертывается преступная, контрреволюционная, вредительская связь между Торитоном и Зориным, который берет на себя определенное обязательство, оказывающееся Торитоном, как оказывается, все, что делается по заданию Торитона.

Интересно то, что Зорин, являясь старшим инженером тепловой группы Мосэнерго, как он здесь выразился, оперативных функций не нес. Он, в сущности говоря, прибывал на место в момент аварий. Но именно с этого момента и начиналась его оперативная работа по исправлению результатов этих аварий. Ясно, какое широкое поле предоставлялось здесь вредительству Зорина.

Олейник. Олейник, служащий фирмы «Метро-Виккерс»; хороший служащий фирмы «Метро-Виккерс» или плохой служащий «Метро-Виккерс» — это не наше дело. Он здесь говорил, что он служил «по силе возможности» этой фирме, служил «добросовестно», как и вредил «добросовестно». Я, говорит он, все, что делаю, делаю добросовестно. Понятие «добросовестности» у этого «добросовестного» человека очень своеобразное. Этот человек питал уважение к Торитону. Он же и предал Торитона, хотя последний и обещал ему такие блага жизни, как вклад в Английском банке на черный день или на собачью старость. Я, говорил Олейник, связал всю свою судьбу с этой фирмой «Метро-Виккерс», я связал с ней все свое благополучие. Но это благополучие Олейника в свою очередь было связано с его преступной работой, которая осуществлялась Олейником, о которой здесь он много и очень словоохотливо рассказывал, избавляя меня от необходимости повторения. Под непосредственным руководством гр-на Монкгауза и гр-на Торитона, этих господ, очень много заботившихся о судьбе Олейника, протекала вредительская «служба» Олейника.

Что собой представляет Олейник, мы это знаем. Это накипь нашей жизни, это отброс этой жизни. Но тем характернее, что именно эти отбросы пользовались таким доверием у этих граждан, действовавших под прикрытием своей фирмы, тем характернее, что типы, подобные Олейнику или Лобанову, были у них на этой их нелегальной службе.

Кушни. Кушни работал в Баку. Я говорил о состоянии Бакинской ГРЭС за период с 1927 года до последнего времени. В 28 году начинается деятельность Кушни. Я сказал: Кушни посеял достаточно семян, которые продолжали и после него давать свои ядовитые ростки. Кушни изобличается, во-первых, показаниями Емельянова—об этом мы говорили на судебном следствии, — Кушни изобличается, во-вторых, Торитоном, поместившим Кушни в свою шпионскую сетку. Кушни, наконец, изобличается Макдональдом, который в своих показаниях от 13 марта относительно его преступной деятельности говорит буквально следующее: «Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метро-Виккерс», руководилась Торитоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торитона. Раз'ездным помощником являлся Кушни — офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

Вот что говорит Макдональд. Что говорит Торитон, видно из анализа его показаний от 13 марта, где Кушни значится в шпионской сетке. Совпадение чрезвычайно опасное для Кушни, и Кушни чувствует эту опасность. Кушни ведет себя, как испытанный опытный разведчик. С чего он начинает? Он начинает с того, чем и кончает,—с обычного шпионского разведческого приема—отказа давать какие бы ни было об'яснения. Изобличенный этими показаниями, вынужденный признать, что он действительно занимался шпионской деятельностью, он затем из одного допроса в другой категорически отказывается давать какие бы то ни было дальнейшие показания.

Вот его показания 22 марта: «Давать дальнейшие подробные сведения о своей шпионской деятельности в СССР я отказываюсь. Мотивов своего отказа от дачи показаний следственным властям приводить не желаю». Вот как отвечает хороший, крепкий разведчик. Учитесь, Торитон, у него, учитесь...

А вот Кушни допрашивается 23 марта.

Вопрос: «Признаете ли вы себя виновным в том, что вы в СССР занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического характера?»

Ответ: «Отвечать не желаю».

Вот как этот «честный инженер-монтажник» монтирует свой ответ.

Вопрос: «Подтверждаете ли вы показания, данные вами на очной ставке с Торитоном 22 марта, что вы занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического порядка в СССР?»

Ответ: «Подтверждаю данные мною показания на очной ставке 22 марта с Торитоном, что я действительно договаривался, чтобы сведения такого рода собирались».

Вопрос: «Через кого из русских вы собирали шпионские сведения?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «По каким причинам вы не желаете рассказывать о своей шпионской работе в СССР?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «Почему вы не желаете отвечать на предыдущие, заданные вам вопросы?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вот классический образец поведения на допросе изобличенного шпиона, но шпиона все же с некоторой червоточинкой. Он все же признался, что занимался шпионажем. Вот написал ведь, что подтверждает данные им показания 22 марта, что он действительно передавал шпионские сведения. Признался, а через кого получал, не хочет говорить. А почему не хочет говорить — не желает отвечать. Это как называется? Это называется запирательством пойманного, схваченного на месте. Но это не спасет Кушни, потому что каждый шаг, который он делает, он делает по топкой почве лжи. И он топится, он разоблачен, как разоблачены вот эти господа: Торитон, Монкгауз, Нордволл, Гусев, Сухоручкин и другие.

А вот очная ставка Олейника с Кушни. Опрашивают Олейника: кто из англичан занимался собиранием шпионских сведений, разведкой? Ответ: Монкгауз, Торитон, Макдональд, Кушни и другие.

Олейник это подтверждает. Торитон подтверждает. Это подтверждает не только показания Торитона и Олейника, подтверждает это и показание Кушни от 23 марта, когда он отказался назвать русских инженеров, через которых он проводил эту работу. Монкгауз тоже говорит, что Кушни занимался шпионской работой и что шпионскую информацию он получал от Торитона и Кушни. Олейник подтверждает. Монкгауз подтверждает, Торитон подтверждает и, наконец, сам Кушни это подтверждает, но потом спохватывается и заявляет: «Больше ничего не скажу»...

Не скажете? Не нужно. Вы уже все сказали, что могли, и сказали для нас совершенно достаточно для того, чтобы против вас поддерживать в полном об'еме обвинение и в диверсии и в шпионаже.

Круг улик замкнулся. И нет выхода из этого круга, и не сумеет и не сможет Кушни разорвать этот круг улик, говорящих с неоспоримой убедительностью о его виновности, в соответствии с чем и должен быть вынесен приговор.

Кутузова. Здесь дело обстоит наиболее просто. Кутузова с самого начала поставила себе задачу сделать, так сказать, иностранную карьеру. Она говорит: я занималась изучением английского языка, желая поступить на службу в английскую фирму. Ничего предосудительного в этом желании, конечно, нет. Но интересна эта черточка, эта тяга к иностранной фирме, с точки зрения вопроса о чувстве достоинства советского гражданина. Работать не у себя, а у других. Почему? Потому, что здесь можно лучше заработать, больше получить, потому, что здесь меньше будет, может быть, работы, потому, что, может быть, здесь будет и больше удобства, и, кто знает, может быть, пригодится когда-нибудь эта самая связь—ведь по мнению всех этих Кутузовых советская власть не прочна, и вот-де соберутся 18 вредителей, возьмутся за дело, поднапрут, и советская власть рассыпется,—тогда пригодится и служба в иностранной фирме. И вот Кутузова устроена на этой службе. Она здесь говорит: я не могла не сблизиться с ними потому, что мы, советские граждане, работавшие в фирме «Метро-Виккерс», окружены были известной стеной изоляции. Чепуха! Ложь! Никакой изоляции. Танцульки, вечеринки, встречи, посещения, пудра, духи, помада и проч. Какая здесь изоляция! Бросьте эту басню об изоляции, которая вас якобы толкала на отношения секретного военного, шпионского, разведывательного, вредительского характера. Бросьте. Логика вещей привела вас на этот путь. Но логика вещей была создана вашей логикой.

И вот вы оказались в этой группе. И вот вы, Кутузова, оказались у них на нелегальной службе. И вот вы оказались хранительницей их секретов. Не только ответственный секретарь конторы, но и ответственный секретарь контрреволюционной вредительской нелегальной группы. И вы хранили их секреты, переживали вместе с ними опасения и волнения нелегальщика. Но при такой поддержке, с одной стороны, Монкгауза, с другой стороны—Торитона вы перешагнули через эти трудности и, катаясь между Перловкой и Москвой в английском автомобиле, среди этих удобств вашей жизни забыли свое достоинство, потеряли совесть, забыли о том, что вы советская гражданка. Вы продались за деньги, и вы должны также отвечать за это, по законам нашего государства.

Но Кутузова имеет некоторые плюсы, хотя и полученные ею с большим запозданием. Она дала искренние и чистосердечные об'яснения. Она не пощадила себя, не пощадила и своих соучастников. Она рассказала, может быть, не все, что она знала, даже наверное не все, но того, что она сказала, с достойной, мне кажется, прямотой и откровенностью, характеризуя и свою собственную преступную «работу», аналогичную работу своих соучастников, достаточно, чтобы учесть это при окончательном разрешении вопроса о судьбе Кутузовой.

И вот опять, как и в начале процесса, нам приходится возвращаться, замыкая этот круг наших обвинительных пунктов, к двум фигурам, которые, как я уже докладывал суду, обвинение отнюдь не считает центральными фигурами этого процесса, ибо центр тяжести нашего обвинения мы с самого начала, как это видно и из обвинительного заключения, и из хода следствия, и из формулируемых мною здесь в последний раз обвинительных пунктов, в центре обвинения стоят граждане СССР, государственные служащие. Но из английских подданных, обвиняемых по данному делу, мы выделяем три фигуры: Торитона, Макдональда и Монкгауза. О втором я уже сказал, о первом и третьем разрешите сказать последние несколько слов.

Монкгауз. Он прожил в СССР свыше 20 лет. Обвинение считает доказанным, что Монкгауз собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а также некоторых русских инженеров секретные сведения военно-государственного значения, что он принимал участие во вредительской диверсионной работе указанной контрреволюционной группы, что он за эту шпионскую, диверсионную, вредительскую работу платил систематически различные денежные суммы, давал взятки русским инженерам за сокрытие ими дефектов, имеющихся в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс». Т.-е., иначе говоря, доказана его вина в преступлениях, которые по обвинительному акту инкриминируются по статье 58—6—7—9 и 11 УК. Я только-что говорил о подсудимой Кутузовой. Ее показания достаточно изобличают Монкгауза, характеризуя его роль в этой вредительской, контрреволюционной, шпионской работе. Именно она была свидетельницей того, как Монкгауз с Торитоном намечали план порчи турбин, оборудования, вывода из строя того или иного агрегата. Эти об'яснения Кутузовой нашли себе подтверждение и в показаниях целого ряда других лиц. Система взяток, практиковавшаяся Торитоном при участии Монкгауза, нашла свое подтверждение в эпизоде с попыткой подкупить Долгова, от которой ни Торитону, ни Монкгаузу уйти невозможно. За что была дана взятка Долгову? Взятка была дана за то, чтобы Долгов не выполнил своих обязательств перед своим пролетарским отечеством. Хотели купить Долгова—сорвалось. Он на это не пошел. Он не только не пошел на это, но он честно раскрыл эту попытку его подкупить. Это оказался вынужденным признать сам Монкгауз, которого не спасут запоздалые отказы от своих собственных признаний, голые отказы. Монкгауз думает, что стоит ему только сказать: «Я это отрицаю», «теперь я не так говорю, как говорил раньше», чтобы мы убедились в правильности его утверждений. Но Монкгауз не только отрицает, он еще и инсинуирует, как это было тогда, когда он наврал относительно 18-часового допроса, в чем он должен был принести извинение. Он допрашивался в прокуратуре республики и сказал, что он не признает себя виновным в трех пунктах, но признал себя виновным в пункте 4-м: этот 4-й пункт говорил именно о том, что он вместе с Торитоном дал Долгову взятку.

Но это не единственный эпизод. Монкгауз говорил следователю: «Я знал о том, что Торитон привозил различные вещи советским инженерам и техникам, но предполагал, что он получает деньги за эти вещи».

Следовательно, здесь можно притти к заключению, что Монкгауз не только был осведомлен о подкупах, которыми занимался Торитон, но принимал непосредственное участие в даче взяток, как это было с Долговым, когда 3.000 руб. были списаны по специальному разрешению Монкгауза и Ричардса и т. д.

Я здесь должен сказать, однако, несколько неприятных вещей, не только касающихся Монкгауза, но и некоторых весьма неприятных традиций конторы «Метро-Виккерс». Я имею в виду показания Монкгауза, правда, не о себе, а о своем предшественнике, о некоем Антоне Антоновиче Симоне. Этот самый вот Антон Антонович Симон за период времени с 1923 по 1928 год был директором по операциям с СССР фирмы «Метро-Виккерс». Он очень интересно охарактеризован тем же самым Монкгаузом, преемником Симона, и, можно сказать, преемником в полном смысле этого слова. Как характеризует эту плодотворную деятельность Антон Антоновича Симона Монкгауз? Он сказал вот что: «Я знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для взяток». Вот какое разоблачение тайн мадридского двора!

«И я твердо верю,—продолжал Монкгауз,—что он был заинтересован в некоторых контрреволюционных движениях, но я не пользовался его доверием. Он не верил мне по некоторым личным и политическим мотивам. Я не могу сообщить точных сведений о его деятельности в этом направлении. Симон умер в 1927 г., и тотчас же я был назначен руководителем в СССР по фирме «Метро-Виккерс». Моим начальником с начала работы и до сегодняшнего дня был господин Ричардс, которого я знал со студенческих времен, потому что он кончил в то же время, как и я».

Остановимся пока на этом факте. Итак, дается Долгову взятка. В этой взятке принимают живейшее участие Монкгауз и Ричардс. Потом, когда эта взятка оказывается разоблаченной, тогда Монкгауз, во-первых, пытается отрицать, но, припертый доказательствами к стене, не видя выхода, сознается. А здесь опять пытается доказать, что никакой взятки не было, что в практике конторы «Метро-Виккерс» взятки никогда не имели места. А тут, оказывается, существовал целый специальный фонд для взяток... Монкгауз знал, что его предшественник занимался систематическим подкупом служащих наших советских учреждений. Монкгауз знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для этих преступных целей. Этот фонд был не только у Симона. Этот фонд был и у Монкгауза. И вот после всего этого Монкгауз говорит, что никаких взяток не давалось, что он благородный человек и вообще не может понять, о каких взятках здесь идет речь, что в лучшем случае имели место подарки.

Так обстоит дело со взятками или «подарками». А за что давались эти взятки, какие были эти сведения, за которые давались эти «подарки»? Эти взятки давались за сведения, которые точно так же собирал Монкгауз, как и собирали остальные шпионские сетки английских разведчиков. Мы имеем показания того же самого Монкгауза, которые бросают свет и на эту сторону дела. Вы имеете его показания, где он говорит, что шпионские сведения действительно им получались главным образом от Кушни, о котором мы достаточно уже говорили сейчас, и от Торитона, роль которого в этом отношении достаточно исчерпывающим образом была здесь тоже уже охарактеризована.

На предварительном следствии, на допросе в прокуратуре республики, Монкгауз не посмел отрицать своих показаний, данных ОГПУ, где он говорил, что он занимался собиранием шпионских сведений. Но он попробовал прикинуться непонимающим, что такое шпионаж. Но и тут он должен был немедленно сдаться, заявив: «Содержание слова «шпионаж» я понимаю и знаю, что под шпионажем разумеется собирание и передача сведений, являющихся государственной тайной».

Это вы говорили? Говорили. Таким образом, вы оказались вынужденным признать, что вы понимаете, что такое шпионаж, что вы понимаете шпионаж именно в том смысле государственной тайны, в каком говорит о шпионаже и обвинение.

Монкгауз вообще пытался на допросах заниматься филологией: от исследования слова «шпионаж» перешел к исследованию о том, что такое «нелегальный».

Эту экскурсию в филологию Монкгауз предпринял по поводу случая нелегального перехода Ричардсом финляндской границы, о чем нам рассказал Монкгауз. Поправляясь, Монкгауз добавил: «Не нелегальный, а секретный». Хорошо. Значит, так и скажем: не нелегальная деятельность, а секретная деятельность. Меня это с точки зрения обвинения полностью устраивает, не знаю, устроит ли это Монкгауза.

Один маленький штрих. Когда мы говорим о Монкгаузе, то мы не должны забывать 17 год, мы не должны забывать 18 год, когда Монкгауз служил в Архангельске в интервенционистском отряде английского корпуса, который вел войну против нашей советской власти, против рабочих и крестьян нашей страны, вел вооруженную борьбу под руководством, при непосредственном и активном участии в этой борьбе против нас того Ричардса, с которым и дальше поддерживал связь Монкгауз на своей работе в «Метро-Виккерс» и который тогда был связан со знаменитой «Интеллидженс сервис», связь Ричардса с которой в настоящее время меня совершенно не интересует. Это не случайное обстоятельство, как не случайное обстоятельство и то, что нам сообщил на допросе Монкгауз, что, когда он, утомленный военными подвигами в архангельском интервенционистском корпусе, вернулся на отдых в Лондон, он получил предложение снова поехать в Россию, но уже не на север, а на юг, в армию Деникина. Он отказался—из-за утомления; его утомление мало меня интересует, но характерна его плодотворная деятельность в интервенционистском корпусе под руководством Ричардса, которая дала достаточно оснований для того, чтобы предложить ему продолжать эту карьеру интервента, но уже не на севере, а на юге, уже в рядах деникинской армии.

Интервенты знали, кому они делали такое предложение...

И, наконец,—вредительство, аварии, науськивание, использование тех или других вредителей, использование той обстановки, которая, к сожалению, еще у нас полностью не исчерпана и которая еще возможна вследствие того, что мы еще имели в нашей стране остатки эксплоататорских классов, что мы имеем вокруг нашей страны капиталистическое окружение, питающее определенным образом классовую борьбу в нашей стране, выделяя, мобилизуя и направляя враждебные нам силы, хотя бы и совершенно ничтожные.

Я бы хотел, чтобы уже больше не возвращаться к этому. Я хотел бы обратиться в связи с Монкгаузом еще к одному моменту, который не может нас не интересовать и который уже привлекал наше внимание. Я хочу здесь напомнить беседы и запись бесед, которые вел наш Народный Комиссар по иностранным делам тов. Литвинов с Британским послом сэром Эсмондом Овий 16, 19 и 28 марта, именно в той части, которая касается разгромленной, неудачной, но все же сделанной здесь, на суде, Монкгаузом вылазки с целью опорочить наше предварительное следствие. Я коснусь одного факта, который имел место при ведении предварительного следствия и, в частности, в отношении английских граждан, как и, впрочем, в отношении и советских граждан,—это действительно чрезвычайная быстрота произведенного следствия.

11 марта ночью был произведен арест, и уже 12 апреля мы рассматриваем это дело в Верховном суде, проделав колоссальную работу, о которой говорят те материалы, какие на протяжении пяти дней проходили перед судом. Совершенно естественно, что нужно было работать быстро, упорно и много. Совершенно был прав тов. Литвинов, когда он говорил, что мы пошли такими быстрыми шагами именно по настоянию НКИД, а НКИД пошел максимально навстречу пожеланиям не кого иного, как именно Британского посольства. При нормальных условиях допрос Нордволла и Монкгауза продолжался бы, читаем мы в записи т. Литвинова, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение 3 дней.

Нужно, следовательно, иметь в виду, что если 12 марта был допрос в течение всего дня, занимая примерно 7—8 и даже 10—12 часов, если 13 марта, хотя и с тремя перерывами три раза шел допрос того же Монкгауза или того же Торитона, то это, в сущности говоря, наши следственные органы делали под прямым нажимом, как это говорит т. Литвинов, НКИД, который торопил нас поскорее это дело кончить в интересах самих же арестованных. И, что самое для нас существенное, как можно усмотреть из этой записи, не кто иной, как сэр Эсмонд Овий, настаивал на том, чтобы как можно скорее было закончено это расследование. И когда, идя навстречу этим требованиям, следственная власть работала 8—10—12 часов в сутки, вместо того, чтобы растянуть на несколько недель допрос, допрашивая в день по 2—3 часа, вдруг появляется в несколько иной обстановке соответственно инспирированный Монкгауз, делающий попытку заявить, что его утомляли длительным допросом по 18 часов. 18 часов не было, но были допросы в 10 часов, были допросы в 12 часов, хотя и с перерывами на обед, с целыми часами этих перерывов, которые требовались и для отдыха, и для принятия пищи, и для направления на допрос из изолятора и обратно, что в общем составляет не менее 20%—30% всего времени, ушедшего на эти допросы. Этот факт небесполезно установить для того, чтобы учесть все обстоятельства, очевидно, толкнувшие Монкгауза на путь этой клеветы, этой злостной неправды, которая причинила и ему некоторую неприятность, за которую он здесь извинился.

Торитон. Торитону вменяется в вину следующее: организация через разветвленную сеть монтажных инженеров и техников, служащих конторы «Метро-Виккерс», экономического, военного шпионажа. Во-вторых, привлечение к шпионской работе ряда русских инженеров и техников; организация аварий на ряде электростанций Союза; дача взяток за организацию этих аварий, за сокрытие дефектов оборудования, монтированного монтажным персоналом конторы, в лице некоторых соучастников этой контрреволюционной группы.

Какие у нас имеются данные против Торитона? Во-первых, против Торитона у нас имеется ряд таких об'ективных данных, как многочисленные случаи дефектов в оборудовании, поставлявшемся фирмой «Метро-Виккерс» на целый ряд электростанций, крупные и мелкие дефекты, которые вызывали крупные и мелкие аварии, которые вызывали длительные или менее длительные простои турбин и, следовательно, наносили нам серьезный ущерб. Дефекты, несомненно, были. Об этом говорил сам Монкгауз. Эти дефекты скрыть во что бы то ни стало, чтобы защитить в иных случаях материальный интерес самой своей фирмы, могло явиться необходимым,—это первое; чтобы использовать это как об'ективные причины, как ширму из об'ективных причин, за которой можно удачно скрыть свою суб'ективную, активную, контрреволюционную вредительскую работу,—это второе. Это, наконец, использование этих дефектов таким образом, чтобы активизировать на этой основе вредительскую работу путем организации самих аварий, — это третье. Рядом с этим—организация военного шпионажа, подкупы и взятки, которые, как я уже сказал, являлись одним из широко распространенных методов работы именно этой группы, этой преступной шайки, пойманной и сейчас здесь на суде полностью изобличенной.

Какие у нас имеются основания утверждать и настаивать на виновности Торитона? Мы имеем здесь следующие материалы. Во-первых, признание самого Торитона. Торитон признал себя виновным в организации экономического и военного шпионажа. Торитон признал себя виновным в собирании сведений шпионского характера через разветвленную сеть своей агентуры, некоторых служащих фирмы «Метро-Виккерс» и не служащих фирмы «Метро-Виккерс», но работающих в соприкосновении с ними. Он признал дачу взяток русским инженерам и техникам за шпионаж через отдельных инженеров и техников, служащих этой фирмы, и непосредственно. Он признал дачу взяток за заведомое сокрытие дефектов оборудования. Так было на предварительном следствии. На судебном следствии Торитон, как вы помните, отказался от того, что он признавал на предварительном следствии, за исключением собирания экономической информации, не составляющей уголовно наказуемого преступления.

Придется вернуться кратко к анализу поведения Торитона на суде. Возьмем за исходное наиболее благоприятное для Торитона положение — его признание в том, что он собирал сведения, собирал информацию, не говоря о том, какого характера эта информация. Установим бесспорные факты, и нам будет проще и нам будет удобнее и легче распутать этот узел. Итак, Торитон собирал сведения через ряд своих сотрудников и через других лиц, с которыми он находился в деловых и не-деловых связях из не-сотрудников своей фирмы. Это факт бесспорный, он сам его признал.

Второе—он признал, что получал, в частности, информацию из Златоуста. Он признал, в-третьих, что эту информацию из Златоуста он получал от Гусева и Макдональда и, в-четвертых, что никакой другой информации, кроме той, которую он получал через этих лиц, он ни от кого не получал. Это тоже бесспорно.

Теперь спросим и проверим: какова же была действительно эта информация из Златоуста? Спросим Гусева и получим ответ: информация военно-шпионского характера: количество снарядов, типы снарядов, работа прокатки, сведения о стали, которая является высококачественной и идет тоже на военные нужды. Вот показания Гусева и Макдональда. Вот вам сумма всех данных, которые не оставляют никакого сомнения в том, что из Златоуста шла одна информация, военная информация, и что если это так было, и если Торитон ни от кого не получал информации, кроме этих людей, то эти люди могли дать только ту информацию, какую давали в действительности. Здесь голому отрицанию противопоставляется документ самого Торитона, признающего, что он занимался шпионажем военного характера.

Как тут быть? Чему же здесь верить, что принимать за достоверное? Совершенно естественный, единственно возможный ответ: можно верить только фактам. Сведения из Златоуста получали? Получал. Вы сами говорите—только через Гусева? Принимаем эту версию. Вы сами говорите—только в соучастии с Макдональдом? Примем эту версию. Никаких других данных не нужно. Обратимся к тому, какие это были сведения. И Макдональд и Гусев говорят согласно, какие это были сведения.

Но Торитон не только через Гусева занимался получением военных сведений.

Вспомните не отрицаемые Торитоном показания о том, что он получал сведения с Мытищинского завода об изготовлении там военных тележек для Красной армии. Получал сведения с Путиловского завода. Он сообщал, кроме того, что на Путиловском заводе в некоторые цеха закрыт доступ посторонним лицам, потому что эти цеха якобы переведены на военную работу, и, в частности, в тот период это было, поясняет Торитон, когда в 1931 году у СССР возникли осложнения на Дальнем Востоке.

Гусев—о снарядах, кто-то—о Мытищах, Макдональд—о Путиловском заводе. Торитон сам наблюдает, слушает, высматривает, что где делается. Завод «Большевик» с пушками и с моторами присоединим сюда. Элмот собирает сведения через своего собеседника на вечере у какой-то Викторовой о военном отделе Ивановского завода. Олейник имел специальное задание проследить направление военных эшелонов на Иркутск.

Особый интерес, опять-таки через Кушни, к состоянию Красной армии. Вот ряд данных, в совокупности своей достаточно убедительно характеризующих роль в этом деле Торитона.

Мы имеем, таким образом, целую кучу данных, которые говорят о том, что Торитон работал именно как организатор этой военной разведки. Вот Мак Крейкен. По собственным показаниям Торитона, этот Мак Крейкен сообщил ему, что, когда он ехал в Кузнецк, видел много поездов, много эшелонов, идущих с военным снаряжением на Восток, а также когда он уезжал из Кузнецка, там было много войск. Видите, Мак Крейкена интересуют войска, а Торитон разговаривает на тему о том, куда идут эти эшелоны. А вот разговор Торитона с Кларком. «Кларк сообщал мне о разных контрреволюционных актах, которые были ему известны». Тут смешиваются былины и небылицы и главным образом небылицы по типу рижских уток. Кстати, виноват, не в вашей ли кухне готовились эти рижские утки, что на какой-то завод будто бы привезли чуть ли не целый вагон динамита, чтобы взорвать этот завод, и т. д., и т. п.? Одновременно с этими сплетнями и рижскими утками made in Riga, которые составляются при непосредственном и благосклонном участии Торитонов, Мак Крейкенов и Кларков, собираются сведения о направлении и движении войск, подсчитывается даже количество эшелонов, обращается внимание, с чем идут эти эшелоны, идут ли с аэропланами, или с моторными обозами, или с людьми.

Все выясняется, все выспрашивается, высматривается, это видно из показаний Торитона уже позже 13 марта 1933 года. Торитон говорит, что он себя плохо чувствовал 13 марта, а 15-го Торитон ответил: «Лучше». А 16-го—еще лучше, а 17-го—тоже. Вот, видите, гр. Торитон, чувствовали себя хорошо, а наговорили таких вещей, таких «снарядных» сведений, от которых, пожалуй, можете взорваться.

Или возьмем дальше, когда спрашивали Торитона 16 марта.

Вопрос: «Какие конкретные факты в вашей информации вы сообщили Ричардсу по военной промышленности?»

Ответ: «Я сообщил Ричардсу, что новый турбинный цех Путиловского завода был закрыт, и наших инженеров туда не пускали. Согласно рассказам наших инженеров, цех перешел на изготовление военного снаряжения».

Это что—«обывательские сведения?»

Другое показание Торитона: в 1931 г., в период осложнений на Дальнем Востоке, «Я указал Ричардсу, что на Мытищинском заводе часть цехов перешла на изготовление тележек для Красной армии. Эту информацию я получил от нашего монтера Уоттер».

Вот как обстоит дело. Возьмем показания от 12 марта. Мы здесь имеем список бывш. офицеров и солдат, служащих фирмы. Очень интересное совпадение. Дальше идут Нордволл, Поллир, Ридд, Торитон, Монкгауз и т. д.

Ну как, гр-н Торитон, у вас дело обстоит с военным шпионажем? Неважно для вас, неважно. Выходит так, что сведения к вам стекались из разных сторон. Олейник дает сведения о военных заводах около Перми, Лебедев—о военном отделе в Иванове, Макдональд—об испытаниях орудий, о моторах, о Путиловском заводе, о его военных цехах, Уоттер—то же самое, Олейник—о военных эшелонах на Иркутск с орудиями, аэропланами. Поручили Олейнику во время пребывания его на Украине прощупать, нельзя ли подобрать небольшую, но крепкую группу бывш. офицеров, которые могли бы пригодиться на случай интервенции, на случай войны. Этот разговор был. Торитон не может этого отрицать, но пытается вилять. «Подтверждаете вы это или нет?», — спрашивают Торитона. Он говорит: «Что касается подбора людей для диверсии и шпионажа, я отрицаю, но помню, что говорил с Олейником о подборе технического персонала из русских для замены англичан».

Кому это вы рассказываете? Вы подбираете специальных людей. Вот они: Гусев, который сидит за вашей спиной, Лобанов — это бывшие белогвардейские офицеры. Вот ваша сеточка, ваша диверсионная группа!

Вот как обстоит дело с военным шпионажем, вот как обстоит дело с вашими собственными показаниями, как обстоит дело с целой кучей улик, которые имеются в этом отношении против вас. И Макдональд, и Олейник, и Гусев, и Лебедев, и, наконец, сам Торитон — можно было бы очень и очень много против вас выдвинуть и других улик, но и этих достаточно для того, чтобы ваша роль как организатора военно-шпионской работы здесь была полностью раскрыта, изобличена и заклеймена. Затем этот ваш документ от 13 марта, от которого вы так усердно открещиваетесь. Когда, товарищи судьи, мы заводим речь об этом документе, Торитон теряет последнее самообладание, он вскакивает, как мы видели не раз, и говорит: «Я полностью отрицаю». Он отрицает из 10 документов именно этот документ, а не документ 12 марта — до этого; ни допрос 14 марта—после этого, ни 20-го, ни 1 апреля — ни один из протоколов этих дней так не волнует Торитона, как именно этот документ. Конечно, надо сказать, что этот документ мы должны оставить на совести Торитона — это его документ. Достоверность того, что он в нем сообщил, установить может в настоящих условиях только он. Этим документом он не только разоблачает, раскрывает свою сетку этих 15 разведчиков, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, и 12 разведчиков, которые были заняты военным шпионажем, он разоблачает, что руководство этой шпионской организацией на территории СССР осуществляется британским разведывательным учреждением по имени «Интеллидженс сервис» через его агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя фирмы «Метро-Виккерс». Это должно лежать полностью на совести Торитона, если по отношению к нему можно говорить еще о совести.

Не нравится Торитону этот документ, но документ есть все-таки документ. Торитон пытался опорочить этот документ ссылками на какое-то «моральное давление». Что же вы не рассказали подробно, что это за «моральное давление», как это так на вас «морально давили»? Он сказал: «Мне говорили: если ты будешь давать показания правильно, тогда будет хорошо». Я не постесняюсь перед всем миром через посредство этого зала заявить то же самое: если вы будете давать показания правильные, будет лучше, чем ежели вы будете говорить неправду. Что ж, разве я оказываю этим на вас «моральное давление»?

Потом, говорит он, мне сказали: «Если ты будешь давать иные показания, то ты окажешься бесполезным и в Англии и в СССР». Позвольте и мне оказать на вас такое же «моральное давление» и сказать, гр-н Торитон,—вы уже бесполезны и здесь и там, потому что вы как разведчик доказали всю свою несостоятельность, ибо вы через 24 часа после ареста выдали свою агентуру и сделали это потому, что вы трус и предатель по природе и вам не может доверить даже этого английская разведка. А здесь же, в СССР, вы бесполезны потому, что после того, что произошло, от вас не может быть никому никакой пользы.

Вот вам «моральное давление». Я вам показал, что вы собой представляете с точки зрения тех требований, которые к вам могут пред'явить люди, умеющие уважать себя и других, защищать свои интересы, выполнять свой долг, чего вы, к сожалению, не выполнили ни по отношению к нашей стране, обманув наше доверие, ни по отношению к учреждению, доверившему вам свои тайны. А что еще говорили вы по поводу «морального давления»? Ничего. И еще одно замечание. Вы говорите, что протокол 13 марта содержит в себе неправду. Допустим. А подумали ли вы, что, сообщая то, что вы сообщили 13 марта, вы играли человеческими головами, головами своих товарищей? Вы это понимали! Нет, этот документ вам не удастся опорочить. Но пусть он останется на вашей совести.

Вы указали, между прочим, в этой записке и на одно лицо, находящееся здесь на скамье подсудимых,—это Грегори. Я должен сказать, что оговор подсудимого или какого-нибудь другого лица может иметь значение только тогда в нашем суде, когда он сопровождается какими-нибудь об'ективными данными, когда он не остается только голым оговором. Когда Торитон говорит о Кушни, мы видим деятельность Кушни, когда Торитон говорит о Монкгаузе, мы видим деятельность Монкгауза, когда Торитон говорит о Нордволле, мы видим деятельность Нордволла, когда Торитон говорит о Макдональде, мы видим деятельность Макдональда. Когда Торитон говорит о Грегори, я должен признать это,—одного голого заявления Торитона, не подкрепленного другими данными, считаю недостаточным для того, чтобы поддержать обвинение в отношении Грегори. Я считаю возможным вынесение по отношению к нему оправдательного приговора.

Я исчерпал все те аргументы, исчерпал все те данные, которыми я располагал, если говорить об основном, о важнейшем, о самом существенном.

Сформулировано окончательно и в последний раз обвинение. Распределена тяжесть этого обвинения между отдельными подсудимыми. Моя задача в этой стадии нашего процесса уже исчерпана. Главная и основная группа намечена: это Гусев, это Сухоручкин, это Зорин, это Лобанов, это Крашенинников, это Соколов. Дальше идут более мелкие и второстепенные фигуры из наших граждан. Дальше группа английских граждан—Торитон, Монкгауз, Макдональд, Нордволл, Кушни. Грегори я исключаю из этого перечня.

Государственное обвинение не сомневается в том приговоре, который будет вынесен вами, товарищи судьи, по настоящему делу. Вы будете, расценивая деятельность каждого из подсудимых, решать несомненно и ряд вопросов, которые мы здесь в процессе прений едва ли смогли исчерпать во всей полноте. В частности, вопрос, который я поставил и который вы также должны будете разрешить, — это вопрос, кто кого из этих различных групп обвиняемых в тех или иных плоскостях их соприкосновения организовывал, ипспирировал, вовлекал, направлял.

Вы будете решать вопрос о том, какую выбрать меру уголовной репрессии по отношению к каждому из них. Обвинение, пред'явленное по 58 ст. УК, содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты — о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре.

Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми перед тем как этим обвиняемым стать осужденными; он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление.

Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я как представитель государственной власти обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены, да и не могли и не могут быть поколеблены, что несмотря на то, что нередко делаются нашими классовыми врагами попытки ударить по нашему государственному хозяйству, наше государственное хозяйство растет, мощь его крепнет, эти люди оказываются ничтожными, оказываются пигмеями. Вынося судебный приговор, мы никогда не руководствовались соображениями жестокости и мести. Но это не значит, что когда вы будете окончательно решать вопрос о судьбе подсудимых, если вы признаете необходимым по отношению к тому или иному обвиняемому произнести приговор о высшей мере социальной защиты, вы, конечно, его произнесете, и ваша рука не дрогнет этот приговор подписать.

Но как бы вы это ни решили, мне кажется бесспорным, уже сейчас решенным один важнейший для нас вопрос этого судебного процесса. Это — ничтожность каких бы то ни было попыток остановить победоносное движение нашей пролетарской революции вперед.

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки, когда скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса нашей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд, энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального Комитета и вождя нашей партии т. Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед,—еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные предатели и [illegible], изменившие и [illegible] социалистическую родину людей!

РЕЧИ ЗАЩИТНИКОВ

Вечернее заседание 17 апреля.

Речь тов. КАЗАНЧЕЕВА.

В тот момент, когда у нас в СССР привлечены к ответственности за целый ряд тяжелых преступлений подсудимые, среди которых в качестве организаторов и вдохновителей оказались английские подданные, в Англии поднялась бешеная кампания инсинуации и лжи в целях дискредитации наших судебных органов. Продолжая эту кампанию, здесь, обвиняемые английские подданные пытались опорочить показания подсудимых советских граждан. В данном деле мы имеем огромное количество изобличающего материала, и при таких условиях является наивным и смешным, когда преподносится слово «оговор».

Мои подзащитные Гусев, Олейник и Соколов совершили тяжкие преступления, и оба их не отрицают. Ни Торнтону, ни Монкгаузу никогда не удастся доказать, что Гусев, Олейник и Соколов были заведены на предварительном следствии и в качестве лжецов пришли сюда на суд. Судебное следствие доказало, что их показания об'ективны.

В нынешнем процессе решающую роль при определении судьбы подсудимых играет вопрос о том, как оценить их признание. Гусев от контрреволюционных настроений к вредительской деятельности перешел только после знакомства с Макдональдом, которое сыграло здесь решающую роль. Английские инженеры выступают в роли организаторов и подстрекателей. Гусев хотел уйти от контрреволюционной деятельности, но ему не удалось, поскольку почтенные джентльмены [illegible] ему то, что в том случае он будет [illegible]. У нас нет данных сомневаться в искренности Гусева в том переломе, который он переживает.

У Соколова та же идеология и почти та же самая биография, что у Гусева. Здесь Соколов подчеркнул такие моменты, которые дают право ответить положительно на вопрос о том, является ли его сознание глубоким и искренним. Я думаю, что Соколов и Гусев могут надеяться, что в приговоре [illegible] для них будет замена иной мерой социальной защиты.

Олейник долгие годы проработал в иностранной фирме и связан с нею. Он был послушным орудием в руках Торнтона. Торнтон превратил его в механического, хотя и никуда не годного, исполнителя своих заданий. Нужно учесть также, что Олейник не является государственным служащим.

Мне хотелось бы просить вас о том, что когда вы будете писать приговор, являющийся документом мирового значения, вы дадите возможность моим подзащитным через тот или иной срок приобщиться к великой стройке социалистического общества.

Речь тов. ШВАРЦА.

Прокурор республики поднял вопрос о сопоставлении ответственности за вредительство советских государственных служащих и иностранных специалистов. Вопрос поставлен правильно, но все же я полагаю, что нельзя забывать той роли, которую в данном деле играли иностранные специалисты. Нельзя забывать, что подсудимые советские граждане, будучи идейными врагами СССР, оставались пассивными и приступили к контрреволюционной деятельности под влиянием сильного волевого толчка извне. Мой подзащитный Сухоручкин чистосердечно сознался в своих тяжких преступлениях. Он сделал эти преступления под влиянием среды, в которой он вращался. Ближайшие его начальники были вредителями. Он заявил здесь, что бесповоротно рвет с прошлым и становится на путь борьбы за социализм. У меня твердое убеждение, что этот человек не способен лгать, что можно поверить его раскаянию.

Большие преступления совершил перед советской властью подсудимый Крашенинников. Крашенинников был настроен антисоветски. Постепенно он был двинут на преступный путь английскими инженерами Джоллеем и Торнтоном. Джоллей постепенно подчиняет его себе. Уезжает Джоллей, появляется Олейник, который приносит ему от Торнтона 500 рублей, и Крашенинников окончательно завербован. В конце 1932 г. у Крашенинникова происходит резкий перелом. Он осознал свои преступления и принес свое искреннее раскаяние.

Зорин 9 лет честно и добросовестно работал на трамвайной станции. У него имелись задатки контрреволюционера, но активных действий он не предпринимал. Но вот он становится старшим инженером тепловой группы и сталкивается с Торнтоном. В течение четырех бесед Торнтон безрезультатно пытается привлечь его на свою сторону. И только при пятой встрече Торнтон завербовывает Зорина в контрреволюционную организацию. Зорин не сразу поддавался на активное действие: он поддался чужой и довольно сильной воле. 1.000 руб., полученные им от Торнтона, были авансом за будущие вредительские действия.

Я полагаю, что вы поверите раскаянию моих подзащитных и дадите им возможность усиленным трудом работать в интересах строительства социализма.

Речь тов. ПИНЕСА.

Мои подзащитные Лобанов, Лебедев и Зиверт совершенно правильно выдержали метод самозащиты. Каждый из них сознался в своих преступлениях и открыл свою душу и ничего не утаил.

Лобанов не имел никаких устойчивых политических убеждений. Его антисоветские настроения выражались в недовольстве всем тем, что происходит вокруг него. Он был самым обыкновенным, рядовым мещанином, обывателем. Но этого недостаточно для контрреволюционера-вредителя. Для этого нужны решимость, смелость и инициатива. Эти качества в душу Лобанова вложил не кто иной, как Нордволл. Лобанову нельзя не верить. Он ничего не утаил в своих показаниях. Позвольте же верить, что и в отношении Нордволла им была сказана только сущая правда. Я считаю, что факт воздействия и подстрекательства со стороны Нордволла является безусловно доказанным. Я не сомневаюсь в том, что Лобанов сумеет своей работой доказать, что он хочет и может работать на дело социализма.

Лебедеву 53 года. В его прошлом нет ни одного темного пятнышка. На путь вредительства его привлек английский специалист Элиот, который прекрасно учел одну слабость Лебедева—это выпить и закусить. Вредительством он занимался неохотно и перешел с Ивгреса на другую работу, чтобы избежать связи с вредителями.

О Зиверте приходится говорить еще меньше, потому что по отношению к нему я являюсь вторым защитником. Первым защитником был сам прокурор республики, который правильно указал, что преступление Зиверта незначительно. Зиверт был вовлечен в контрреволюционную организацию Торнтоном, который воспользовался его наивностью и доверчивостью. Поняв, в какое окружение он попал, Зиверт решил от него избавиться и для этой цели уехал на Днепрострой. Таким образом он сам порвал всякую связь с Торнтоном.

Речь тов. СМИРНОВА.

Защитник Макдональда тов. Смирнов в начале своей речи указывает, что его роль и позиция защитника определяется прежде всего тем, что Макдональд признался в совершенных им преступных действиях. Защитник считает, что суд должен принять во внимание роль подсудимого в данном деле и его социальную характеристику при определении меры социальной защиты. Защитник указывает, что Макдональд происходит из мелкобуржуазной английской семьи, все члены которой являются трудящимися. С 16 лет Макдональд начал зарабатывать свой хлеб.

В 1928 году Макдональд в Златоусте попал в окружение таких людей, как Гусев, потерявших чувство национального достоинства, продавшихся иностранцам. В таком же окружении находился Макдональд и в Зуевке. Эти люди пытаются здесь изобразить, что не они развращали Макдональда, а Макдональд их.

Защитник Смирнов подчеркивает, что Макдональд занимал в московской конторе подчиненное положение, и что он привык с детства беспрекословно выполнять приказания старших. Ему говорили: «Собирай сведения», и он их собирал. В подтверждение этого положения Смирнов цитирует показания самого Макдональда, в которых тот говорит о том, что известную роль в совершении им преступлений сыграли условия, в которых он жил в Англии, вырос и развивался. В заключение Смирнов указывает, что есть еще одно обстоятельство, которое должно послужить к смягчению участи Макдональда,—это его чистосердечное раскаяние.

Утреннее заседание 18 апреля.

Речь тов. БРАУДЕ.

Защитник Торнтона тов. Брауде заявляет следующее. Против Торнтона говорят почти все обвиняемые, уличают его своими показаниями и его подчиненные по службе—Кутузова и Олейник. Выступает против него с обличительными показаниями его соотечественник, товарищ по службе и друг,—Макдональд. Наконец, против Торнтона—собственноручно им написанные показания на предварительном следствии.

Таким образом, мы имеем против Торнтона замкнутый круг улик. Самым серьезным, самым страшным обвинением в отношении Торнтона является обвинение во вредительстве, в подготовке диверсионных актов, аварий, и это обвинение Торнтон категорически отрицает.

Брауде строит защиту Торнтона на том, что многие из подсудимых в своих показаниях прячутся за спину Торнтона, пытаясь взвалить всю вину и все содержание преступлений на Торнтона. Между тем, как показал настоящий процесс, многие из обвиняемых вступили на контрреволюционный вредительский путь задолго до знакомства с Торнтоном. Макдональд в этом отношении исключения не представляет. Торнтон ни в одном из своих показаний не признает себя виновным во вредительстве, в диверсиях.

Что касается обвинения Торнтона в шпионаже, нужно иметь в виду, что понятие Торнтона о шпионаже чрезвычайно путаное. Торнтон, как он сам признал на суде, собирал экономическую информацию, и в этом он, конечно, повинен. Бесспорно, он получал и военные сведения, но получал их независимо от своего суб'ективного желания. Это об'ясняется, с одной стороны, его психологическими особенностями, непониманием, где кончается разрешенное и где начинается запрещенное, где кончается экономика и где начинается политика, где начинаются военные тайны. С другой стороны,—поставлявшие ему экономическую информацию присылали и военную, хотя бы он и не просил их об этом. Останавливаясь на моментах подкупа Торнтоном государственных служащих на электростанциях, Брауде считает, что Торнтон не понимал того, что взятка у нас в СССР—тяжкое уголовное преступление. Беда Торнтона состоит в том, что он перенес методы капиталистического хозяйства в нашу страну.

Исходя из всех этих моментов, тов. Брауде просит суд учесть их при определении меры социальной защиты подсудимому Торнтону.

Речь тов. ДОЛМАТОВСКОГО.

Тов. Долматовский начинает свою речь с указания на то, что, поскольку прокурор не считает возможным поддерживать обвинение против Грегори, ему, защитнику Грегори, незачем говорить на эту тему.

— Гораздо сложнее моя задача, — продолжает тов. Долматовский, — как защитника подсудимого Нордволла. Нордволл уличается здесь, в частности, показаниями Лобанова, Олейника и Торнтона. Олейник и Лобанов — морально разложившиеся люди, «вредители по натуре», их показаниям нельзя верить.

Нордволл заслужил хорошее к себе отношение ударной работой в Макеевке, получив там премию в 1.000 рублей. О хорошей работе Нордволла писали в газетах, в частности в газете «За индустриализацию».

Переходя к анализу эпизода с шубой, тов. Долматовский об'ясняет противоречивые показания Нордволла тем, что он запутался; если бы Нордволл хотел просто лгать, то зачем ему нужно было путать,—он просто сказал бы, что 500 руб. получил, передал Тейлору, Тейлора здесь нет, и все концы в воду.

Нордволл не участвовал на вечеринках, устраиваемых инженером Элиотом в Иванове, где бывали Лобанов и Лебедев. Очевидно, это потому, что Нордволл целиком был занят работой и своей семейной жизнью.

Переходя далее к показаниям Торнтона, в части, изобличающей Нордволла, тов. Долматовский подчеркивает противоречивость этих показаний и ссылается на то, что Торнтон показал: «Нордволл был и есть, по-моему, сочувствующий правительству этой страны».

В заключение тов. Долматовский заявляет:—Таким образом я думаю, что все обвинения, которые здесь Нордволлу были пред'явлены, — обвинения, конечно, серьезные, влекущие за собой известные давления,—после проверки на судебном следствии должны быть отвергнуты.

Речь тов. ЛИДОВА.

В своей речи тов. Лидов указывает, что основное обвинение против его подзащитного—Кушни—это совершение им диверсионного акта в Баку в 1928 году. Виновность в этом акте подсудимого Кушни совершенно не доказана. Уликами здесь служат показания Емельянова и Олейника. Но Емельянов показал только, что «Кушни говорил о необходимости вообще портить машины». А что касается подкупа, то речь здесь в связи с Емельяновым идет лишь о 40 р., которые Емельянов «кажется, не отдал». Показания Емельянова недостаточны для установления обстановки аварии, тем паче для обвинения Кушни.

О показании Олейника: Олейник только в 1932 году слышал от Торнтона, что Кушни в Баку провел в 1928 году аварию. Тов. Лидов считает это показание Олейника недостоверным. Кушни не отрицает, что он встречался в Баку с разными лицами, в том числе бывал на вечеринках у рабочих. Но не доказано, что эти вечеринки, эти знакомства служили Кушни для шпионской деятельности.

В сети Торнтона, продолжает тов. Лидов, о Кушни сказано, что он собирает сведения экономического и политического характера. Но ведь не доказано, что эти сведения, собиравшиеся Кушни, были секретными.

В показаниях Макдональда имеется только предположение о том, что Кушни участвовал в разведывательной работе. Наконец, Кутузова не называет Кушни в числе разведчиков.

Соображение о том, что Кушни—разведчик, так как он на предварительном следствии отказывался отвечать на отдельные вопросы, несостоятельно. Закон дает право обвиняемому не отвечать на отдельные вопросы.

Тов. Лидов заканчивает свою речь утверждением, что обвинение против Кушни не доказано и что поэтому его следует оправдать.

Речь тов. КОММОДОВА.

Обвинение Монкгаузу пред'является по трем основным линиям: шпионаж, вредительство, подкуп.

— Основным базисом обвинения Монкгауза,—заявляет защитник Коммодов,—является златоустовское дело—показания по этому делу, данные Гусевым, Соколовым, Макдональдом, взаимно дополняющие, взаимно подтверждающие друг друга, окрепленные бесспорностью фактов и экспертизой. Возможно ли представить себе, чтобы один из самых действенных вредителей, возглавляющий организацию, не имел причастности к этой работе прямо или косвенно? Я задавал вопросы Гусеву, Соколову: непосредственно были вы связаны с Монкгаузом хоть когда-нибудь и в чем-нибудь? И получил отрицательный ответ. Нельзя случайностью об'яснить того, что Гусев, Соколов и Макдональд не упоминают Монкгауза.

Так обстояло дело и на Златоустовской станции и на других. Взять хотя бы показания Сухоручкина. И в этих показаниях не встречается имя Монкгауза.

Возьмем показания Олейника. До 1929 года он имел дело с Монкгаузом. После 1929 года перестал непосредственно с ним иметь деловые отношения. Я поставил здесь вопрос: а до 1929 г. вы совершали какие-нибудь вредительские акты? Он ответил отрицательно. Именно в момент, когда он имел непосредственное касательство к Монкгаузу, вредительских актов со стороны Олейника не было. Конкретных фактов виновности Монкгауза не дают и показания Кутузовой.

Таким образом, логический вывод, что Монкгауз участвовал вместе с Торнтоном в шпионской и вредительской деятельности, основан лишь на тесных деловых и личных взаимоотношениях Монкгауза с Торнтоном.

О взятке Долгову. Здесь фигурировали две версии Монкгауза. Одна, данная на предварительном следствии, сводится к тому, что он признает себя виновным в соучастии в даче взятки. Другая—на суде, где Монкгауз заявил, что это были деньги, данные взаймы. Когда перед вами ставятся две версии, то естественно возникает вопрос о том, которая из них жизненнее и убедительнее.

Я уверен, что суд ответит на вопрос о виновности Монкгауза со всей тщательностью и осторожностью, которые присущи нашему суду. Ответ суда отразит ту правду, которая родится в результате наших судебных прений и в результате рассмотрения материала, который имеется по настоящему делу.

Речь тов. ЛИБСОНА.

В этом деле особенно приходится проанализировать все соображения, все моменты для того, чтобы понять, как случилось то, что молодые специалисты в данном случае были вовлечены во вредительские, шпионские действия. Хорошей иллюстрацией для этого анализа является мой подзащитный инженер Котляревский. Ему всего только 29 лет. Родился он в трудовой семье, окончил советский вуз. Мы видим, как протекала его карьера советского специалиста и инженера, мы видим, что нет никаких предпосылок, нет никаких моментов, которые могли бы его настраивать антисоветски.

Он знакомится с Макдональдом. Сначала сталкиваются по работе, потом это переходит в личную дружбу, они все больше и больше сближаются. Котляревский начинает посещать Макдональда на квартире. Завязывается тот узел, который впоследствии его губит. Он принимает взаймы 500 рублей. Когда деньги у Котляревского уже были в кармане, к нему через несколько дней обращаются с «невинной» просьбой достать чертежи. Он дает обещание сделать это. Когда он приносит чертежи, ему без его просьбы дают вторые 500 рублей. Что это? Котляревский уже должен 500 руб., и его начинают шантажировать, и он выполняет те скверные дела, о которых он сам так подробно здесь рассказал. Но он уходит от этих преступлений, переходит в Оргэнерго на службу. После этого он едет в Казань, где честно работает до ареста.

У моего подзащитного Котляревского в его прошлой жизни нет никаких предпосылок, в силу которых можно было бы говорить о том, что этот человек еще от прошлого принес яд отравы и что поэтому не может быть никакой надежды на то, что он может исправиться.

Выступая в защиту Кутузовой, тов. Либсон обращает внимание суда на следующие моменты. В течение 15—16 лет Кутузова трудится. Вы знаете, что она тоже происходит из трудовой семьи. Моя подзащитная Кутузова в смысле ее трудового лица не оставляет никакого сомнения.

Для меня как для защитника Кутузовой чрезвычайно важно следующее: она вам говорит правду, и когда ее спросили об этом, она ничего не утаила. Я настаиваю перед вами, что в действиях Кутузовой нет соучастия, нет того, что предусмотрено в обвинительном заключении, а есть недоносительство о достоверно известных ей контрреволюционных действиях, о чем говорится в 58 ст. со знаком 12.

Последнее слово подсудимых.

Гусев.—Я рассказал о тех преступлениях, которые я совершил. Здесь, на суде, я снова с особенной остротой и силой пережил всю тяжесть этих преступлений. Я прошу суд поверить искренности моего признания и раскаяния и дать мне возможность дальнейшей честной работой загладить мои преступления и исправить тот вред, который я причинил государству.

Соколов.—Я вполне признал тяжесть тех преступлений, которые мною совершены. Я даю обещание, если мне будет дана возможность исправить свои ошибки, честным трудом доказать свою преданность рабочему классу и загладить свои преступления в дальнейшей моей жизни, если она мне будет оставлена.

Макдональд.—Я признаю себя виновным и ничего больше не могу добавить.

Зиверт.—Я как рабочий совершил преступление перед своим классом. Я хочу честной деятельностью загладить мою вину. Надеюсь, что суд это учтет и даст мне возможность мою вину искупить.

Котляревский.—Те преступления, которые я сделал, очень тяжелы. Я рассказал все, что я сделал. Я глубоко раскаиваюсь в этих преступлениях. Я прошу суд дать мне возможность загладить эти преступления и обещаю, если эта возможность будет мне дана, положить на это все свои силы и все свои знания.

Кушни (говорит по-английски).—После того, как я сегодня заслушал очень умелую защиту своего защитника, мне очень мало остается говорить. Я все время настаивал на том, что я не виновен, и во время процесса не было представлено ни одного доказательства моей вины.

Лобанов.—Как на предварительном следствии, так и здесь, на суде, я рассказал о всех содеянных мною преступлениях. Единственная просьба у меня к суду—дать мне возможность исправиться. Мне еще не так много лет, и я думаю, что еще могу исправиться.

Нордволл (говорит по-английски).—Я такой человек, который интересуется исключительно своей работой и всегда старается работать добросовестно. Моя частная жизнь в России была посвящена исключительно моей семье. Я всегда был другом Советского союза и остаюсь им после тех показаний, которые я выслушал в суде, и после той справедливости, которая мне была оказана в ГПУ после моего ареста. Я сейчас я являюсь другом Советского союза и не боюсь это сказать даже в присутствии представителей прессы. Я уверен, что после рассмотрения показаний суд может вынести мне только оправдательный приговор.

Лебедев.—Я сознаюсь в своей тяжелой вине и даю обещание перед Верховным судом, если суд даст мне возможность, загладить мои преступления.

Торнтон.—С начала этого процесса я не признал себя виновным и сейчас я тоже настаиваю на своей невиновности. Я утверждаю, что показания, фигурирующие здесь против меня, не заслуживают доверия.

Зорин.—Я просил бы при наложении меры взыскания учесть то обстоятельство, что на первом же допросе я признал полностью свою вину и что, если мне будет предоставлена возможность в будущем, я могу принести еще пользу Советскому союзу.

Сухоручкин.—Я полностью признаю тяжесть совершенных мною преступлений. Как при первоначальном допросе, так и здесь, на суде, я принес чистосердечное раскаяние, и это дает мне возможность просить суд, чтобы он дал мне возможность использовать свой опыт и свои знания, загладить свою вину и стать честным советским гражданином.

Монкгауз (говорит по-английски). В начале своего последнего слова Монкгауз пространно говорит о причинах путаницы с часами допроса, допущенной им в ходе судебного следствия. По поводу обвинений в шпионаже заявляет, что он не признает правильности документа № 26, написанного Торнтоном, где и он, Монкгауз, фигурирует в числе активных членов шпионской организации. Второе обвинение—во вредительстве — Монкгауз также считает неправильным, заявляя:—Мы бы резали свое собственное горло, если бы вздумали заниматься вредительской работой, которая разрушала бы и уменьшала бы платежеспособность Советского союза.

Далее Монкгауз заявляет, что он очень гордился последние 8 лет своим участием в том огромном строительстве, которое происходит в Советском союзе.

— Третье обвинение против меня,—заявляет далее Монкгауз,—это обвинение во взяточничестве. Я лично никогда не давал взяток. Я не хочу быть обвиненным во взяточничестве, так как это против моих принципов. Я не имею ничего больше прибавить, кроме того, что я остаюсь сейчас здесь перед вами абсолютно невиновным во всех обвинениях, которые против меня выдвигаются.

Крашенинников.—Я взял последнее слово не для того, чтобы оправдаться, а чтобы просить суд учесть, что я уже в конце 1932 года отошел от вредительства. Поэтому при первом же моем допросе в следственных органах я во всех своих тяжелых преступлениях сознался, полностью политически разоружился.

Олейник.—В первый же день моего ареста я признал все те преступления, которые были мною содеяны, а также свою вину. За это время я очень много передумал. Я работаю 40 лет, начал работать с 11 лет и только в течение короткого промежутка времени свернул на преступный путь. Если мне будет дана возможность опять работать, то это будет все, что я хочу.

Грегори.—Поскольку прокурор взял обратно свое обвинение против меня, мне нечего сказать.

Кутузова.—Я происхожу из трудовой семьи и с 16½ лет живу исключительно на свой заработок. Я работаю свыше 20 лет, из них 10 лет состояла на государственной службе, между прочим, на Свирьстрое и Волховстрое, где работала честно и добросовестно. Я никогда не была и не буду врагом советской власти, но я знаю, что меня моя вина. Я действительно крепко и плотно сдружилась с англичанами и в силу этой дружбы совершила большую ошибку, то-есть дала слово не раскрывать дело шпионской диверсионной группы, которое разбиралось на этом процессе. Я знаю, что вина моя остается, несмотря на признание, такой же тяжкой. Признаю себя виновной, но надеюсь на справедливость пролетарского суда.

Выслушав последнее слово подсудимых, суд удаляется в совещательную комнату.

Отклики на процесс вредителей.

ЛЖИВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ МОНКГАУЗА РАЗОБЛАЧЕНЫ.

ВАРШАВА, 18 апреля. (ТАСС). Большинство польских газет продолжает печатать выдержанные в довольно об'ективном духе отчеты Польского телеграфного агентства о процессе инженеров-вредителей.

Разоблачение прокурором т. Вышинским лживого заявления Монкгауза, будто он подвергся 18-часовому допросу в ОГПУ, и последовавшее за этим извинение Монкгауза оцениваются польской прессой как серьезная компрометация английских подсудимых.

Улики налицо.

НЬЮ-ЙОРК, 18 апреля. (ТАСС). Московский корреспондент «Чикаго дейли ньюс» пишет:

«Подавляющее число свидетельств говорит о том, что Макдональд и Торнтон приобретали за деньги военную информацию и соучаствовали во вредительстве. Макдональд полностью признает себя виновным и подтверждает виновность Торнтона. Отрицание Торнтона не убеждает суд и наблюдателей. Обвинение против Торнтона представляется веским».

Московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» пишет:

«Обвинение выиграло по важнейшим политическим пунктам. „Справедливый суд—в соответствии с советским законом — установил обоснованность арестов». По словам корреспондента, «английское посольство и англо-американская печать всемерно готовы содействовать обвиняемым», тем не менее «защита находится в плачевном положении». Признания подсудимых и противоречия в их показаниях, указывает корреспондент, нанесли урон защите. Обвинение в инсценировке процесса на основе запугивания является единственным солидным аргументом тех, кто пытался защищать подсудимых; однако Торнтон не поддержал этого обвинения, а Монкгауз признал, что преувеличил длительность допроса, разбив тем самым аргументы в защиту подсудимых.

* * *

НЬЮ-ЙОРК, 18 апреля. (ТАСС). Выходящая в Сан-Луи (штат Миссури) «Стар таймс» заявляет, что Англия, не имея на то оснований, пыталась добиться права экстерриториальности в СССР.

Касаясь сообщения, будто арестованные допрашивались в течение 20 часов, газета пишет: «В САСШ допросы длятся в течение дней и ночей без перерыва, при чем к этому еще добавляются такие прелести, как избиение резиновой кишкой».

Газета считает, что в СССР обращение с англичанами было безупречно вежливым.

Выходящая в Филадельфии «Энквайрер» заявляет, что британское правительство действовало поспешно и не умно. Признание обвиняемых, по словам газеты, ставит британское правительство в неловкое положение.

Выходящая в Ютике (штат Нью-Йорк) «Пресс» также отмечает, что признания обвиняемых создали затруднения для Англии.

«Общественное мнение, — продолжает газета,—склоняется в пользу СССР. Русские имеют право устанавливать для себя свою собственную форму правления. Они имеют право требовать, чтобы иностранные технические эксперты воздерживались от политического и прочего вмешательства».

Газета указывает, что всякое другое правительство вступает на опасный путь, если оно пытается добиться падения советской власти.

Выходящая в Балтиморе «Ивнинг сен» заявляет: «Ясно, что кто-то занимается шпионажем. Все страны, в том числе и САСШ, ежегодно расходуют большие суммы на шпионаж и оплачивают негодяев, которые совершают бесзастенчивые действия и заполняют тайные архивы ложной информацией даже с риском вовлечь народы в войны, которые им столь дорого обходятся».

ЗАКРЫЛСЯ С'ЕЗД НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

(От нашего специального корреспондента).

ДЕРБИ, 18 апреля. С'езд независимой рабочей партии закрылся сегодня в атмосфере полного идейного разброда.

С'езд был весьма характерным для нынешнего состояния международной социал-демократии. Лидеры независимой рабочей партии никак не рассчитывали столкнуться на с'езде с таким разложением рядового состава партии, какое они нашли в Дерби.

Особенно ярко разброд внутри независимой партии сказался по вопросу о партийной программе. Отклонив по настоянию лидеров обсуждение новой партийной программы, предложенной с'езду рядом делегаций, с'езд в то же время разнес на куски старую программу, принятую всего лишь 8 месяцев назад в Бредфорде. Голосование дало неожиданные результаты: большинством голосов отдельные разделы бредфордовской программы оказались сохраненными, но другие были заменены кусками нового (лондонского) проекта или отдельными предложениями других организаций. В итоге, когда вся программа была пересмотрена, перед пораженными зрителями оказался совершенно неудобоваримый винегрет. Не удивительно, что при окончательном голосовании значительная группа, в 37 делегатов, голосовала против программы партии в целом.

Наиболее существенным из включенных в программу новых пунктов является провозглашение одним из важнейших методов партийной тактики немедленного повсеместного создания «рабочих советов». Эти выдуманные в кабинетах «советы» не будут иметь ни власти, ни конкретных задач. Антимарксистский характер подобного «левого» организационного фантазерства совершенно очевиден. [illegible]

Перед закрытием с'езда независимцев [illegible] сотрудничество с компартией по установлению единого фронта для борьбы с опасностью войны и разрыва с Советской Россией и для борьбы с фашизмом.

* * *

Секретариат английской компартии обратился с воззванием к рядовым членам независимой рабочей партии.

Указав на происходящий поворот рядовых членов независимой рабочей партии к коммунизму, воззвание говорит:

«Выражаем нашу уверенность в том, что вы скоро всей массой найдете дорогу в ряды коммунистической партии.

Здравый смысл подсказывает, что существование двух партий, об'являющих, что они обе руководят борьбой рабочих за социализм, является абсурдом. Мы будем приветствовать ваш приход в наши ряды. Мы приглашаем вас присоединиться к нам для разрешения задачи, заключающейся в том, чтобы сделать британскую компартию могущественной секцией мировой коммунистической партии—Коммунистического интернационала».

Вчера вечером компартия провела в Дерби массовый митинг, на котором выступил генеральный секретарь партии Гарри Поллит.

Изгоев.

«ТАТКРЕЙС» РАЗОБЛАЧАЕТ ДЕТЕРДИНГА.

БЕРЛИН, 18 апреля. (Соб. инф. «Правды»). Обычно хорошо осведомленный бюллетень «Таткрейс» в статье, посвященной советско-германским отношениям, указывает, что одна «англо-саксонская» нефтяная компания пытается широко использовать напряженность отношений между Германией и СССР для того, чтобы нанести удар экспорту советской нефти на германский рынок.

«Повидимому, — пишет «Таткрейс»,—эта англо-саксонская нефтяная компания нашла, что наступил подходящий момент превратить Германию в такой же об'ект борьбы, как раньше Мексику, Южную Америку и другие большие провинции мирового хозяйства. С германской стороны необходимо по поводу таких происков самым решительным образом заявить, что национальная Германия ни в коем случае не позволит капиталистическим кликам превратить себя в арену борьбы их интересов».

Отмечая огромное значение советско-германских экономических связей для укрепления политических отношений между обеими странами, «Таткрейс» пишет:

«В 1932 году СССР занял ПЕРВОЕ место в германском экспорте. В свою очередь Советский союз увеличил свой экспорт в Германию: так, экспорт нефти возрос с 399.000 тонн в 1931 г. до 532.000 тонн в 1932 г. Увеличение вывоза советской нефти в Германию является бельмом на глазу указанной нефтяной компании, и ее интенсивная пропаганда против нормализации советско-германских отношений определяется именно этими экономическими факторами.

Необходимо иметь в виду, что такие большие русские заказы, как размещенные в Германии в прошлом году, могут быть оплачены только в том случае, если Германия со своей стороны будет поддерживать русскую торговлю в тех отраслях, где Германия вынуждена ввозить. Только на этой основе были размещены большие русские заказы в 1931 и 1932 гг. Нам незачем подчеркивать огромное значение русских заказов для германской промышленности».

Появление статьи «Таткрейс» в данный момент крайне характерно. Она отражает настроение тех кругов германской буржуазии, которые не хотят мириться с тем, чтобы курс внешней политики Германии по отношению к СССР определялся Детердингом и английскими твердолобыми.

Наступление японской армии в Северном Китае.

МУКДЕН, 18 апреля. (ТАСС). По сообщению японского командования, китайские войска полностью эвакуировали Циньвандао. Японская ж.-д. стража взяла на себя охрану станции Циньвандао.

Вчера японские войска заняли Фуниин. Отряды Сакомото и Накамура преследуют китайские войска. Отряд Камисиро двигается по направлению к Аньшаньхай, между Ланьчжоу и Чанли. Отряд Накамура продвигается к Чанли. В случае, если стратегическая задача, которую ставит себе отряд Камисиро, будет успешно разрешена, он сможет отрезать пути отступления китайским войскам, еще находящимся в районе Люаньдун.

Сообщают также, что генерал Тиа Цзян занял важный пункт — станцию Люшоуин, между Пейтайхо и Чанли. Все китайские войска, за исключением тех, которые расположены в Чанли, отступили к западу — в Люанхо.

Представитель японского консульства в Шанхае заявил сегодня, что японское командование намерено очистить от китайских войск полосу в 10 километров вдоль Великой стены, чтобы обеспечить границу Манчжурского государства от неожиданных нападений.

«Конечно, — заявил представитель японского консульства,—полоса не везде будет иметь точно 10 километров в ширину. В некоторых местах она может быть шире. Задача в том, чтобы иметь для оборонительных целей полосу вдоль стены, свободную от китайских войск».

СОТРУДНИЧЕСТВО С БУРЖУАЗИЕЙ, ЗАВУАЛИРОВАННОЕ «ОППОЗИЦИОННЫМИ» ФРАЗАМИ

(От нашего парижского корреспондента).

ПАРИЖ, 18 апреля. Вчера вечером закрылся чрезвычайный с'езд социалистической партии принятием резолюции Блюма — Пивера. Резолюция принята большинством 2.807 голосов против 925, отданных за резолюцию Реноделя, и 220—за резолюцию крайнего левого крыла «группы социалистического действия».

Резолюция большинства содержит довольно туманное осуждение политики парламентской фракции, систематически поддерживающей радикальное правительство. Резолюция высказывается за «оппозицию» к капиталистическому режиму, но не указывает, в чем должна проявляться эта оппозиция. Меньшинство с'езда предлагало продолжать теперешнюю политику тесного сотрудничества с правительством. Крайне левые высказались за единый фронт с коммунистами.

Несмотря на решения с'езда, лидеры парламентской фракции Ренодель и Марке заявили, что фракция будет продолжать свою политику и сохранит свободу действий, считая, что дело идет о слишком важных вопросах. Полагают, что парламентская фракция выберет своим председателем Реноделя, вместо Леона Блюма.

Реми.

Особые полномочия Рузвельта.

ПАРИЖ, 18 апреля. (Соб. инф. «Правды»). В ожидании приезда Макдональда и Эррио Рузвельт обратился к конгрессу с предложением предоставить ему ряд полномочий, которые могли бы обеспечить ему свободу действий на вашингтонских совещаниях. Соответствующий законопроект уже передан им конгрессу и, как сообщает корреспондент «Тан» из Нью-Йорка, включает следующие четыре основных пункта:

1. Президенту предоставляется право изменить существующие таможенные тарифы путем издания специального декрета (аналогично с процедурой, которая была применена при предоставлении Рузвельту чрезвычайных полномочий в урегулировании банковской системы).

2. Президенту предоставляется право вести на мировой экономической конференции в Лондоне переговоры о заключении многостороннего договора об одновременном снижении таможенных тарифов всеми странами, которые подпишут этот договор. В Вашингтоне полагают, что это сокращение составит около 10 проц. существующих тарифов.

3. Президенту предоставляется право заключать двусторонние торговые соглашения, предусматривающие снижение до 40 проц. существующих американских таможенных тарифов, что может дать, с учетом общего 10-процентного снижения, сокращение тарифов на 50 проц.

4. Президенту предоставляется право договориться с другими странами, на основе взаимности, о компенсациях, вопрос о которых может возникнуть вследствие разницы в курсах валют различных стран.

В то время, когда американский президент получает довольно широкие полномочия, делегаты Англии и Франции облечены лишь совещательными и «исследовательскими» правами. Перед от'ездом из Саутгемптона Макдональд подчеркнул это в интервью с представителями английской печати, указав: «Я не привезу с собой никаких документов и никаких готовых соглашений», а роль же Эррио как эксперта, не наделенного правом ангажировать Францию в какие бы то ни было соглашения, было об'явлено официально.

* * *

Вальтер Липман, видный американский журналист, намечает в «Нью-Йорк геральд трибюн» три основных цели вашингтонских совещаний:

1. Стремление отвлечь общественное мнение от нынешних трудностей, вызывающих обострение политических противоречий; поскольку напряженное политическое положение во всем мире является отражением экономических противоречий, выхода не дадут ни переговоры о разоружении, ни пакты безопасности и дипломатические комбинации. Мир должен вернуться к труду, либо он пойдет навстречу войне.

2. Желание показать, что с приходом Рузвельта будет положен конец эре экономического национализма, созданной протекционистскими тарифами.

3. Наметка соглашений, которые смогли бы предотвратить провал лондонской экономической конференции.

Таковы, по мнению Липмана, «благие намерения», которые побудили Рузвельта требовать специальных полномочий. Очевидно, из тех же благих намерений, имеющих целью не подрывать веру в предстоящие переговоры, в повестке дня вашингтонских совещаний не фигурирует вопрос о военных долгах.

Это, однако, не означает, что по этому вопросу не будет дан бой. Господствующая в САСШ точка зрения в этом вопросе нашла свое отражение в выступлении сенатора Робинсона.

Он указал в своей недавней речи в сенате, что уплата Францией взноса по военным долгам явилась бы лучшим способом доказать Соединенным штатам желание Франции наладить франко-американское сотрудничество.

Робинсон подчеркнул далее, что золотой запас Английского банка составляет в настоящее время 860 млн. долларов и превосходит максимум, достигнутый в 1926 году. Это одно доказывает, по словам Робинсона, что Англия, не знающая, что делать со своим избытком золота, без малейшего напряжения сможет уплатить очередной взнос 15 июня.

Точка зрения Робинсона разделяется в Париже только некоторыми кругами, в Лондоне же придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Не меньшие противоречия существуют и в других вопросах, которые будут обсуждаться в Вашингтоне независимо от того, включены они в повестку дня или нет.

Можно заранее предвидеть, что империалистические противоречия, напряженность и обострение которых родили план вашингтонских переговоров, не будут разрешены никакими президентскими полномочиями, какой бы широтой эти полномочия ни отличались.

Тов. Каганович в Чубаревке.

ЧУБАРЕВКА, 17 апреля. (Наш спец. корр.). Сегодня сюда прибыл секретарь ЦК ВКП(б), заведующий сел.-хоз. отделом ЦК тов. Каганович.

Тов. Каганович перед приездом в Чубаревку посетил Хлеборобовскую МТС, Донецкой области, где ознакомился с ходом сева и работой политотдела.

В Чубаревском районе, Днепропетровской области, т. Каганович посетил колхоз им. Сталина, непосредственно в поле ознакомился с ходом сева, осмотрел колхозные конюшни, свинарники. Тов. Каганович ознакомился также с работой политотделов Чубаревской и Гуляйпольской МТС.

А. НАЗАРОВ.

По Союзу Советских Республик

(По телефону и телеграфу от наших корреспондентов).

На Горьковском автозаводе закончены работы по сборке первого автобуса, принятого к массовому производству. В автобусе ГАЗ-1 19 пассажирских мест, построен он на стандартном шасси Горьковского автозавода и отличается легкостью и красотой конструкции. В мае автозавод выпустит 50 автобусов.

Обнаружено значительное месторождение доломита и известняка в районе деревни Гремячево, Кулебакского района, Горьковского края. Доломит содержит в среднем 19—21 проц. окиси магния.

Первые 4 каравана барж с грузом отправились из Ярославля вниз по Волге. Сегодня первым рейсом выходит товаро-пассажирский пароход «Жданов».

Для разведения выхухолей в Вязниковском районе, Ивановской области, организуется специальный заказник.

На Памире в районе ледника им. Федченко Академия наук заканчивает постройку высокогорной научно-исследовательской станции. Это будет единственная в мире ледниковая станция на высоте 4 тыс. метров над уровнем моря.

Научно-исследовательскую станцию по изучению соляных озер Полуденской степи открыла Академия наук в Славгороде (Западная Сибирь). Отделение этой станции создано на острове Кучук.

Строительство Дворца физкультуры начинается летом в Иванове. Во дворце будет большой бассейн для плавания. Стоимость строительства—1 млн. руб.

К сбору материалов об уральских рабочих отрядах Блюхера и Каширина приступил уральский областной комитет по истории гражданской войны. В составе комиссии—бывшие командиры и красноармейцы этих отрядов.

Завтра через станцию им. Коминтерна в 21 час. начнется всесоюзный радиопоход против аварий и происшествий на железнодорожном транспорте. Поход откроется декадником ревизии букс.

Разработка мероприятий по выпуску художественных игрушек для детей поручена Центральному дому художественного воспитания детей РСФСР им. Бубнова.

Сегодня, в 6 час. вечера, в редакции «Правды» состоится заседание центрального жюри конкурса ткачей.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Просмотр кандидатов, выдвинутых фабриками на звание лучших подмастерьев и ткачей Союза.
2. Об итоговом заседании центрального жюри.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ С ФРОНТА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

ЗАВЕРШОН ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦИКЛ СОЛИКАМСКОГО КАЛИЙНОГО РУДНИКА.

БЕРЕЗНИКИ, 18 апреля. (Наш корр.). Вновь пущенная обогатительная фабрика первого калийного рудника в Соликамске выдала первый вагон 85-процентного хлористого калия. Фабрика рассчитана на переработку 1.250 тыс. тонн сильвинита в год. По мощности и механизации обогащения сильвинита Соликамская фабрика является одной из первых в мире.

С пуском обогатительной фабрики производственный цикл рудника ЗАВЕРШОН.

ЗАБРУСКОВ.

ГОТОВЫ ДВА АГРЕГАТА ТАШКЕНТСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

ТАШКЕНТ, 18 апреля. (Наш корр.). Ташкентско-Кадырьинская гидроэлектростанция 2 мая сдается в эксплоатацию. Сейчас уже готовы к пуску два агрегата мощностью в 6.500 киловатт. Заканчиваются последние работы на третьем и четвертом агрегатах.

Гидроэлектростанция будет снабжать током Сельмашзавод, бумажный комбинат и др. предприятия Ташкента.

МАНУЙЛОВ.

ВЫПЛАВКА МЕТАЛЛА

ЧУГУН. СТАЛЬ.

(В тыс. тонн).

	Чугун	Сталь
11 апреля	19,4	18,0
12 апреля	20,3	17,3
13 апреля	19,7	16,9
14 апреля	19,4	18,2
15 апреля	19,1	18,2

Уголь.

ДОБЫЧА ПО СССР.

15 апреля по трестам Наркомтяжпрома добыто 198.623 тонны угля. Добыча увеличилась в сравнении с предыдущим днем на 2.177 тонн. Отдельные бассейны дали (в тоннах; в скобках указано сравнение с предыдущим днем):

Донбасс	130.100	(+1.734)
«Кузбассуголь»	23.524	(— 39)
«Уралуголь»	11.424	(+ 391)
«Москуголь»	10.080	(+ 224)
«Востсибуголь»	5.199	(— 1)
Караганда	3.225	(— 47)
«Средазуголь»	2.276	(+ 85)
«Дальуголь»	1.678	(— 176)

ДОБЫЧА В ДОНБАССЕ.

В Донбассе 15 апреля добыто 130.634 тонны угля, в том числе по отдельным трестам:

«Донбассантрацит»	33.823	(+656)
«Сталинуголь»	31.190	(—255)
«Артемуголь»	21.263	(+ 22)
«Кадиевуголь»	19.697	(—489)
«Снежнуголь»	15.437	(+690)
«Луганскуголь»	9.153	(—395)

Уполномоч. Главлита № В—53331. Типография газеты «Правда», Москва, ул. им. Горького, 48. Изат. № 310.